

ЛЯНА ЗЕЛИНСКАЯ

ЖЕЛТАЯ
МАГНИЛИЯ

Ляна Зелинская
Жёлтая магнолия
Серия «Чайные истории», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67358105*

Аннотация

Его называют маэстро Л'Омбре. Он аристократ и лучший сыщик во всей Альбиции. Его острый ум помог раскрыть множество преступлений. Он верит в логику, науку и улики, он высокомерен и саркастичен. Любит крепкий кофе и ходит, опираясь на массивную трость.

Её зовут Миа. Она владеет крошечной лавкой в бедном квартале, продаёт специи и благовония, гадает на картах и кофейной гуще. Она любит яблоки, носит яркие юбки и презирует мир аристократии. Она верит в интуицию, знаки и вещие сны.

Они живут в слишком разных мирах, но однажды их пути пересеклись из-за череды странных смертей и лепестков жёлтой магнолии.

Он назвал её шарлатанкой с самого дна Альбиции. Она его напыщенным сушёным стручком ванили. Они невзлюбили друг друга с первого взгляда, но теперь им предстоит работать вместе...

Содержание

Глава 1. Плохие приметы в действии	4
Глава 2. Предложение, от которого нельзя отказаться	26
Глава 3. Дополнительные меры в действии	45
Глава 4. Каждый остаётся при своём мнении	66
Глава 5. Наблюдательность или предвидение?	86
Глава 6. Результаты наблюдательности	102
Глава 7. Какое-то подобие синьоры	118
Глава 8. Немного о столовом этикете	153
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Ляна Зелинская

Жёлтая магнолия

Глава 1. Плохие приметы в действии

Всякому в Альбиции известно: нет ничего вернее, чем плохие приметы поутру.

Если на рассвете дорогу тебе перебежит чёрная кошка – считай, утро не задалось. Что-то задумать в такое утро – всё равно, что выбросить в воду. Если до полудня увидишь трёх чаек, сидящих подряд на бриколах¹ канала, да ещё по левую руку, то день будет псу под хвост. Конечно, если трижды плюнуть через плечо, тогда может и пронесёт. Но если при этом встретишь дедулю Козимо, идущего с рынка с корзиной рыбных голов, то это и вовсе примета хуже не придумаешь. Тут хоть плюй, хоть не плюй – неделю удачи не видать.

А когда всё это случается разом?! И кошка, и чайки, и дедуля Козимо...

И к гадалке не ходи – это будет паршивый день!

Так оно и вышло.

Окно в лавку оказалось разбито.

¹ Брикола – в Венеции причальная свая, вбитая в дно.

– О, Мадонна! Во имя всех святых! Да чтоб тебя! – воскликнула Дамиана, остановившись на рива² дель Карбон, прямо у входа в собственную лавку.

Поставила цветочный горшок с геранью на мостовую и принялась рассматривать осколки стекла, валявшиеся повсюду. От её прекрасного витража с алым венком роз на зелёном поле остались только острые стеклянные зубы, торчавшие из рамы по всему периметру.

Она осторожно заглянула внутрь, стараясь не порезаться, и произнесла в сердцах:

– Да пропадите вы пропадом, синьор³ Ногарола!

Осколки валялись и на полу лавки, и на столе, а часть их попала даже на прилавок – в плоски с анисовым семенем и пажитником, отчего пряности разлетелись по полу. И глядя на это безобразие, Миа сначала ужасно разозлилась, а потом, конечно, расстроилась, да так, что едва не расплакалась. Топнула ногой, но и только-то.

Что может лавочница против могущественного герцога Ногарола?

От злости и бессилия хотелось взять весло... нет, даже не весло... Лучше взять макрель⁴, жирную такую макрель, с растопыренными иглами плавников и острой головой, из тех, что продаёт дедуля Козимо на углу Рыбного рынка, най-

² Рива – Ит. riva – в Венеции, мощёный тротуар вдоль каналов или лагуны.

³ Синьор – обращение к патрицию.

⁴ Макрель – рыба из семейства скумбриевых.

ти герцога Ногарола и ударить его этой макрелью прямо по лицу. Ударить что есть силы, а то и вовсе столкнуть в канал. И если где-то в этом мире есть справедливость, то в такой момент она бы точно восторжествовала.

Вот только добраться до герцога Ногарола ни с веслом, ни с макрелью и думать нечего! Уж слишком много охраны у входа в его палаццо. И его сикарио⁵ с мордами бульдогов, что повсюду сопровождают герцога, разумеется, и на пять шагов не подпустят её к нему ни с веслом, ни с макрелью, ни просто так. А значит, справедливости нет.

Оставалось только топнуть ногой и пожелать проклятому герцогу однажды повстречаться с Зелёной девой в полнолуние где-нибудь на Дворцовом канале. Пусть бы хвостатая утащила его в самую тину!

На первый взгляд могло показаться, что окно разбили случайно. Зацепили багром или веслом проплывающие мимо гондольеры⁶, везущие пьяных гостей. Такое нередко бывает на канале в дни больших праздников. Но только не в этот раз. В этот раз на полу посреди россыпи пажитника Миа увидела булыжник, обмотанный куском красной тряпки.

Предупреждение.

⁵ Сикарио – sicario ит. – буквально наёмный убийца. В контексте романа – вооружённая охрана патриция и наемники, решающие дела с применением оружия или физической силы.

⁶ Гондóла (итал. gondola) – традиционная венецианская гребная лодка. Гондольер – лодочник, гребец, управляющий лодкой-гондолой стоя, с помощью специального весла.

И это было уже второе предупреждение, что герцога Ногарола не остановит строптивая торговка, не желающая продавать свою убогую лавку за бесценок. Именно так он и велел передать через своих сикарио. Или с этого месяца она платит тройную цену за ренту земли, или убирается восвояси.

Сначала ей бросили под дверь связку петушиных лап, и это было первое предупреждение, теперь вот камень в красной тряпке. И, если она не заплатит, третьим предупреждением будет поджог, в этом она нисколько не сомневалась.

Синьор Ногарола входит в Совет Семи и давно нацелился на рива дель Карбон. Город растёт, и эта улица стала необходима ему, чтобы расширить богатый район – сестьеру⁷ Карриджи. А для этого нужно всего лишь выселить отсюда мелких лавочников да бедняков, обитающих тут с начала времён. И большинство уже уступило жёсткому натиску крутолобых сикарио герцога, но Миа уступать была не намерена.

Эта лавка – две комнаты одна над другой, соединённые винтовой лестницей – всё, что у неё есть. Маленький балкон с цветами в горшках, этот витраж с розами и шар на цепи, оклеенный кусочками зеркал и менского кварца, чтобы сиял от уличных фонарей, привлекая клиентов в лавку – всё это мамино наследие. И проклятый Ногарола собрался его отнять.

Здесь Дамиана продавала благовония и специи, и здесь же

⁷ Сестьера – так в Венеции называются городские кварталы. В контексте романа это район города.

гада на картах и кофейной гуще. Того, что приносила лавка и гадание, до этого момента хватало, чтобы сводить концы с концами, но с новой рентой об этом нечего и думать.

– Миа! Дамиана! О, Святая Лючия, тебя что, ограбили?! – разнёсся над водой звонкий голос.

Миа вынырнула из разбитого окна, обернулась и увидела Николину, торговку зеленью, что каждое утро проплывала мимо её лавки по рива дель Карбон. Её лодка мягко ткнулась носом в деревянную балку, обмотанную веревкой, и, споро подтянув корму багром, Николина набросила петлю на столбик для швартовки.

– Ах, если бы! Да только нет воров хуже патрициев⁸! – воскликнула Миа, отбрасывая носком туфли осколки стекла в сторону. – И день ото дня всё хуже и хуже! Полюбуйся на этот разгром! – всплеснула она руками. – На прошлой неделе разгневанный синьор Барбиано расколотил мой шар над дверью, а теперь ещё и вот это!

– А что Барбиано? С чего он разбушевался-то? Разве его жена осталась недовольна? Она же тебе заплатила? – спросила Николина, доставая корзину яблок и ставя её на брусчатку. – Как заказывала, лучшие яблочки. Салат?

– Два пучка. Конечно, заплатила! – произнесла Миа, выбирая яблоко покрупнее.

– А что чего же тогда не так? Зачем он разбил твой шар? –

⁸ Патриций – лицо, принадлежащее к аристократии и играющее первенствующую роль в городском самоуправлении.

торговка указала пальцем на сиротливо свисающую над причалом цепь.

– Да видишь ли... Не понравилось ему то, что я ей тут говорила. А вот не нужно было его жене приходить с подружкой, – развела руками Миа. – Разве я виновата, что её подруга так внимательно слушает и так много болтает? Жена синьора Барбиано наставила ему рога с его другом. Её подруга всё узнала и ему рассказала, потому что сама хочет запрыгнуть к нему в постель. А его друг неровно дышит к его жене. И теперь весь город об этом знает! А виноват кто? Конечно, Дамиана! Шар теперь заново делать! И обойдётся в десять дукатов, а витраж и вовсе в сто! – воскликнула она, забирая салат.

– А Барбиано-то с чего припёрся? Из-за жены что ли? А ты-то тут при чём?! – удивлённо спросила Николина. – Латук?

– Один пучок. Да! Сам Барбиано и прискакал как ужаленный! И всё кричал, что нужно снести моё богомерзкое заведение, потому что я оболгала честную синьору и всё придумала! Что это я распускаю слухи про честных патрицианок! И вот, извольте – расколотил веслом шар! А теперь вот окно! Но окно – это уже Ногарола, чтоб ему упасть в канал! Решил снова меня припугнуть! – она взяла латук и обратилась куда-то в сторону мутной воды: – Желаю вам здоровья, синьор Барбиано, и вам, герцог Ногарола, а ещё сырых газет и скисшего молока поутру на завтрак! А щавель есть?

– Щавель весь продала уже. А как ты узнала, что его жена спит с другим? В шаре увидела? Или на картах? – усмехнулась Николина и подмигнула. – Зато есть свежие артишоки. Берёшь?

– Нет, артишоки не надо. В шаре? Помилуй, зачем тут в шар смотреть?! Да об этом гудит вся Пескерия! Их служанка видела, как они встречались, и всем разболтала, а мне даже в карты заглядывать не пришлось. И ведь я предлагала ей выставить подругу за дверь! И быть осторожной. Предупреждала ведь! Ну и кто покроет мои убытки?! Зато теперь я могу кричать на весь канал, что синьор Барбиано – ро-го-но-сец! Раз уж я заплатила за это право своим разбитым шаром! – взмахнула Миа пучком салата.

– Видать, теперь Барбиано на всех кобелём лает! – усмехнулась Николина. – И поделом ему! Слышала, он игрок и все ночи проводит в палаццо⁹ Фаризи с куртизанками. И сильно поиздержался! Капусты?

– Капуста не жёсткая?

– Нежнейшая, как крылья ангелов! – Николина сложила ладони вместе и закатила глаза.

– Давай. И ещё три морковки. Да мне нет дела до того, с кем патриции убивают своё время! Хоть с куртизанками,

⁹ Пала́ццо (итал. *palazzo*, от лат. *palatium* – дворец) – итальянский городской дворец-особняк XV–XVIII вв. Классический тип палаццо – трёхэтажное (реже двух- или четырёхэтажное) здание с величественным фасадом, выходившим на улицу, и уютным двором окруженным колоннадой. Композиционным центром здания был внутренний дом, обнесённый арочными галереями.

хоть с гондольерами! Мне с этого пользы ни на сантиметр, а убытков уже на сто дукатов!

– Зато теперь слава о тебе по всему Гранд-каналу! В таком деле хуже славы – лучше нет, – усмехнулась Николина, – такой скандал привлечёт к тебе новых клиентов. Сельдерей?

– Сельдерей... Нет, не надо. Ах, Николина, мне такая слава без особой радости. Если каждый из таких клиентов будет бить что-нибудь в моей лавке, то мне придётся с каждого брать по сто дукатов сверху, и я вконец разорюсь, – усмехнулась Дамиана горько и покачала головой. – А изюм есть?

– Белый или чёрный? А ты, кстати, слышала про новую «бабочку»? М-ё-р-т-в-а-я! – Николина заговорщицки понизила голос. – Говорят, нашли на кампьелло¹⁰ Делиси. Я сейчас только что была у дома командора Альбано и всё-всё подслушала! Его кухарка – это она-то весь щавель и купила – так вот, она рассказала мне, что в рань поутру командора подняли и вызвали туда.

– Неужели?! Ещё одна?! Это уже третья! Святая Лючия! И что, снова голая? – с ужасом спросила Миа. – Изюм белый. И чтобы без косточек.

– Ни единой косточки, а изюм – чистое золото! Вот, держи. Уксус? Или масло? Она не совсем голая, прикрыта ле-

¹⁰ Кампьелло – так называют в Венеции открытое пространство между зданиями. Это маленькая площадь. Изначально, когда Венеция только строилась, кампьелло становились центром жизни разных районов города: там был рынок, церковь, лавки, а также колодец с дождевой водой – единственным в то время источником пресной воды.

пестками цветов, и крылья из лепестков выложены рядом! Представляешь? Вот дьявольщина какая, прости Господи! – передавая изюм, Николина перешла совсем уже на зловещий шёпот: – Лежала прямо на берегу канала! Только про то ещё никто не знает.

– Ужас какой! И что же полиция? – Миа тоже понизила голос. – Укус не надо, ещё есть.

– Полиция разводит руками. Кухарка Альбано слышала, что командор велел быстро всё убрать, чтобы никто не видел, и что Хромой, маэстро¹¹ Л'Омбре, тоже был там. Вот всё и подчистили. Кто же вступится за простую торговку бисером? – вздохнула Николина и тут же спросила деловито: – Спаржу?

– А торговка бисером, она разве не человек? Хотя в прошлый раз была путана. И, конечно же, никого не нашли! А вообще искали? Думаю, что нет. Спаржа свежая?

– Свежайшая! И муха не сидела! – воскликнула Николина, смачно поцеловав кончики пальцев, и, взмахнув руками, добавила: – Говорят, искали, кухарка сказала, что дело, видать, важное, раз сам маэстро Л'Омбрэ участвует в следствии! Да только, видимо, даже у Хромого дело не заладилось. Хотя, может, он, и правда, не больно-то искал убийцу. Сам-то из патрициев, для него одной путаной меньше, одной

¹¹ Маэстро (итал. *maestro* – мастер) – неофициальное почётное наименование выдающихся деятелей в различных областях искусства. В контексте романа буквально мастер своего дела.

больше – кто заметит? Станет ли патриций марасть свои ручки о такое дело! Вот если только для того, чтобы всё замять, да концы в воду. Так сколько спаржи-то?

– Нет. Обойдусь, пожалуй, без спаржи, а то дорого встанет. Спаржа позволительна только патрициям, а нам сгодится и капуста, – усмехнулась Миа, укладывая покупки в корзину поверх яблок. – Сколько за всё? И куда только смотрит дож¹²?! Уж страшно выходить после заката на канал! Да и если сам Хромой не справился... хотя... – Дамиана оглянулась и добавила тихо: – Он и сам выглядит как маньяк. Не удивлюсь, если это он их всех и убил. Видела я его один раз с той жуткой тростью. Проходил мимо, так я покрылась мурашками до пят! И этот его плащ с воротником...

– Семьдесят пять сантимов. И не говори! Я тоже видела его как-то поблизости, смотрит он так пристально, будто твои грехи на лбу читает. И тростью своей постукивает по мостовой: тук-тук-тук, тук-тук-тук, словно по душу твою пришёл. Б-р-р-р-р! Храни нас, святая Лючия, и от слуг закона, и от маньяков! – Николина лихо осенила себя знамением. – Ты ренту-то заплатила?

– Нет пока. Вот только-только нужную сумму насобираала, а уже, видишь, лишилась витража! Теперь не знаю, чем платить в следующий раз, – вздохнула Миа, передавая деньги и разглядывая лодки, идущие по каналу.

¹² Дож – титул выборного главы Венецианской республики на протяжении более чем десяти веков.

– А ты не думала бросить всё это? – спросила Николина, ловко пряча деньги в потайной карман в корсаже.

– Бросить? И чем же заняться? Воровать кошельки на ярмарках? – усмехнулась Миа.

– Ну... ты красивая... умная. Умеешь читать и писать. А за твой цвет волос любая девица в гетто продаст душу дьяволу! Вон мессер¹³ Брочино всякий раз тебе шлёт поцелуи и говорит, что монна Росси могла бы быть первой куртизанкой во всей Альбиции. Если бы захотела. Ела бы на золоте и спала на лебяжьем пуху... и покупала у меня спаржу! Много спаржи! – рассмеялась Николина.

– Куртизанкой?! О-ля-ля! Скажешь тоже! – рассмеялась Миа в ответ. – Угодать патрициям?! Ну уж нет! Я честно зарабатываю себе на хлеб и не хочу, чтобы мне в спину говорили, что я путана. Пусть и просто из зависти. И всё ради спаржи! Да обойдусь и капустой.

– Да, ладно, ладно! Я же просто так спросила. Но тебе всё равно не место на рива Карбон. Скоро нас всех здесь не будет, а моя корказетта¹⁴, – она постучала носком сапога о борт лодки, – слишком стара для богатых каналов. Когда синьор Ногарола всё приберёт тут к рукам, меня сюда и близко не подпустят. А ты что тогда будешь делать?

– То же что и всегда – гадать и ненавидеть чванливых пат-

¹³ Мессёр, также мессир (итал. *messère*, фр. *messer*) – «господин» – обращение к именитому гражданину в средневековой Италии и Франции.

¹⁴ Корказетта – вымышленное название лодки.

рициев, – усмехнулась Миа. – Ты же знаешь, что лучше всего я «вижу», только когда очень и очень зла. Так что чем больше злости, тем больше дукатов!

И это было правдой. Мать Дамианы не была цверрой¹⁵ по рождению и никогда дочери не рассказывала о том, как попала в гетто¹⁶. Но дар видеть то, что скрыто, у неё был, и даже старшая цверра мама Ленара уважала монну Росси и держала к себе поближе, доверяя ей самых богатых клиентов. С того момента, как Дамиана себя помнила, жили они в гетто среди кочевых домов на воде. Передвигались цверры по хитросплетениям каналов на юрких лодках-корказеттах, украшенных яркими шатрами и колокольчиками, и занимались кто чем умел: гадали, предсказывали будущее, заговаривали бородавки, делали привороты и продавали бальзам, который превращал чёрные волосы плебеек в кремовые локоны настоящих патрицианок. Много чем занимались, и не всё из этого было законно.

Мать ходила по домам патрициев, чтобы заработать пару-тройку дукатов, и Дамиану всегда брала с собой. Богатые

¹⁵ Цверры – вымышленное этническое меньшинство, народность, проживающая на территории Альбиции. Водные кочевники, путешествующие по лагуне и живущие на воде. Первые поселенцы в лагуне.

¹⁶ Гётто (от итал. *ghetto nuovo* «новая литейная») – части крупных городов, отведенные для добровольного или принудительного проживания группы людей объединённых по какому-либо признаку (национальному, социальному и др.). Термин берёт начало в 1516 году в венецианском гетто (итал. *Ghetto di Venezia*) – изолированном каналами участке земли в районе Каннареджо (Венеция), где предписывалось жить венецианским евреям.

синьоры, воровато оглядываясь, пускали их с чёрного входа и вели через кухню в гостиную, пока хозяина не было дома, и там при свечах мать раскладывала для них карты.

Жрица, Шут, Луна...

Знать толкование этих карт Миа научилась даже раньше, чем связно говорить.

А пока мать гадала, Миа рассматривала убранство домов, похожее на сказку – наряды и посуду, фрески на стенах и тяжёлые портьеры, наблюдала за тем, как ведут себя настоящие синьоры и синьорины. И мечтала о том, что однажды у них с матерью будет вот точно такой же прекрасный дом, с причалом для лодок и мраморной лестницей, ведущей к украшенному арками входу. Комнаты с золотисто-зелёной штукатуркой на стенах и балдахином из шёлка над большой кроватью, и кушетки на изящных ножках, и камин. Внутренний дворик в обрамлении лимонных деревьев... И большая гондола, вытянутая, как придонный угорь, чёрная, с позолотой и красными сиденьями, будет возить их в оперу и на балы. А она обязательно станет синьорой и будет носить красивые платья из зелёного шёлка.

Затем им совали в руки деньги, иногда какую-то еду или кусок ткани и спешно выставляли за дверь. На этом сказка заканчивалась, и чтобы попасть в неё снова, нужно было ждать следующего посещения такого дома. Как ни странно, Миа запомнила их все. Каждый знатный дом в Альбиции, где они побывали с матерью. Говорят, всё, что видел

в раннем детстве, очень хорошо запоминается. Даже сейчас закрой глаза – и она вспомнит. Вот дом семьи Бентивольо, что на Гранд-канале: резные двери из скалистого дуба и мраморная лестница с каменными львами у парадного входа. Но они с матерью всегда входили с другой стороны, через кухню, где умопомрачительно пахло корицей и кардамоном: кухарка раз в неделю пекла праздничный пирог. И этот запах, и изюм, лежавший на столе – всё это было драгоценными воспоминаниями, частичками сказки, которую Миа забрала с собой во взрослую жизнь. Каждый из таких домов дал ей что-то своё. Может, именно поэтому она стала продавать специи и пряности в своей лавке – запахи кардамона и корицы пробуждали воспоминания о детской сказке. Именно поэтому она повесила зеркальный шар на входе и даже заказала витраж с розой – всё это было осколками мечты, другой жизни, собранными ею из детских воспоминаний.

Пока мать гадала, маленькая Дамиана нередко вставала перед зеркалом и училась подавать руку, держать веер или делать реверансы, как настоящая синьора. И сколько бы всё это продолжалось – неизвестно, но однажды один из таких богатых домов ограбили. Унесли немного: кухонную утварь да окорок, висевший на крюке у двери. Но кто-то видел проплывавшую мимо цверрскую лодку, и этого было достаточно. В гетто явились констебли и жандармы в красных мундирах, и разноцветные корказетты запылали одна за другой. Приказ дожа: выгнать из Аква Альбиции всех цверров до

единого, чтобы не несли они грязь, воровство и мракобесие.

И может, поэтому, а может, потому, что такие гонения на цверров случались в столице регулярно, мать и отвезла её на своей корказетте в большой дом с белыми колоннами и оставила там жить. Обучаться. Так она сказала.

Потом Миа узнала, что дом этот – пансион для бедных одарённых девочек, созданный милостью герцогини Умберты Ногарола, семья которой была одной из самых богатых во всей Альбиции. И что попасть сюда было не так-то и просто, и что ей очень повезло.

Портрет герцогини в полтора человеческих роста украшал большой холл пансиона, и стоило в него войти, как суровое изображение статной синьоры уже не сводило с Дамианы глаз. Чёрное платье, наглухо застёгнутое до подбородка, седая прядь на виске, в руке часы, а внизу надпись: «Время скоротечно».

Портрет был до жути пугающим, и Дамиана старалась не смотреть грозной синьоре в глаза. Но в большом здании, казалось, всё было пропитано мрачным духом этой женщины. Каждый урок, каждый обед начинался со слов «Милостью Божию и синьоры Умберты Ногарола...».

В пансионе Дамиану учили читать, писать и считать, и даже танцам и музыке, там же её пороли розгами за непослушание, и там же она регулярно лишалась ужина в наказание за проступки. Читать, писать и считать она научилась быст-

ро, а вот скрипку, клавесин и фигурные танцы ненавидела искренне всей душой. Играла она так, что маэстро зажимал уши ладонями и кричал, стуча по пюпитру нотным журналом, что, если граблями по струнам будет водить медведь, и то мелодичнее получится. С вышивкой и шитьём у неё тоже не заладилось, как и с покорностью.

Бубнить часами божественные славословия она так и не выучилась. Глядя на грустную мадонну во время молитв, всё время рассматривала трещины в краске на полотне или потолочных фресках, вместо того, чтобы очищаться от греховных мыслей. А как-то в библиотеке утащила книгу сестры Агнессы, где среди описаний жития святых были нарисованы изображения старцев и невинных дев, и вырезала из неё гадальные карты. Святых и невинных дев было много, и все они походили на изображения с цверрских гадальных карт, поэтому их с лихвой хватило на всё. Погадать она, правда, успела только один раз, своей подруге Джульет.

Кто-то донёс – и сестру Агнессу хватил удар, а Дамиану отправили в подвал. Наверное, её бы и выгнали из пансиона, но мать всегда вносила плату исправно, и святые сёстры, продержав её в подвале неделю, сделали вид, что простили ей этот проступок. Правда, чтобы выбить бесовский дух, стали лупить её, кажется, чаще других детей. И лупили при этом за всё. За то, что сидела на подоконнике, поджав под себя одну ногу, что девочкам не полагается, за то, что бегала без платка, выставив напоказ бесовские волосы. За яблочные

огрызки, которые бросала из окна в канал, пытаюсь попасть в бриколу. Поводом могло послужить что угодно. И все наказания были во благо её души, потому что душу очищают страдания тела.

Но для той, кто выросла в гетто, розги были не самым страшным наказанием для тела. Тело у неё было крепкое. А в богов, что были изображены на стенах капеллы, она не особо верила. Как и в грехи. Это были боги и грехи патрициев. Цверры же верят в то, что Аква Альбиция стоит на спине морского ежа, а сваи, что держат её дома, это иглы на его спине. И что семеро богов спят на дне лагуны, и лишь Светлейшая каждое утро встаёт из моря вместе с солнцем, чтобы услышать цверрские молитвы и донести их богам. И только Светлейшей и молятся цверры.

Мадонна, изображённая на стенах капеллы пансиона, всегда смотрела грустно-усталым взглядом и никак не походила на образ задорной и весёлой цверрской богини, что танцует с бубном на водной глади. А когда Миа сказала сестре Агнессе, что художник мог бы изобразить Мадонну и покрасивее, например, как ту женщину, что сидит у её ног, ей всерьёз досталось розгами, потому что женщина у ног Мадонны оказалась раскаявшейся блудницей.

Из пансиона Миа сбегала бессчётное количество раз, отправляясь в кочующее по лагуне гетто. Но пока была жива мать, она находила дочь среди разноцветных лодочных шатров и возвращала обратно. И каждый раз, оказавшись на

пороге пансиона, Миа кричала дурным голосом, топала ногами и швыряла камни в канал, умоляя не оставлять её здесь. И в такие моменты ей казалось, что ещё чуть-чуть, и от её ярости развалится ненавистное белое здание с колоннами и полосой зеленого мха у фундамента. Треснет чёрный портрет синьоры Ногарола и погрузится в зелёную воду лагуны, где ей самое место.

Так у неё дар впервые и проснулся. От злости. И так и закрепился на этой злости. Стоило ей разозлиться, как сами собой начинали приходить видения...

Вот и сейчас злость на герцога Ногарола за разбитый витраж всколыхнула тонкую ткань мира, и, глядя на Николину, Миа внезапно почувствовала ноздрями странный сладковатый запах.

Магнолия...

С чего бы вдруг?

Тряхнула головой, отгоняя видение и пытаюсь уловить слова Николины.

– ... так ты и разозлишь, и посмотри, как оно тут всё будет дальше, – вздохнула Николина. – Хочешь не хочешь, тебе не выстоять против герцога Ногарола. И лавку придётся продать.

– Эту лавку мне оставила мама. И сказала, что здесь меня найдёт моя судьба. Так что никуда я не поеду. Осталось только придумать, где через три месяца брать денег на новую ренту, – ответила Миа твёрдо.

– И сколько?

– Триста дукатов.

– Святая Лючия! Да это же целое состояние! – воскликнула Николина, снимая швартовочную петлю.

– Ничего, как-нибудь выкручусь, – пожала плечами Миа.

Не стала говорить, что уже заняла денег у Гвидо Орсо, ростовщика, который держит всю скупку краденого в гетто. Она пошла к нему от отчаяния, от злости и безысходности, вспоминая, как два бульдога-сикарио герцога Ногарола уже доставали молотки, чтобы забить досками вход в её лавку. Вот тогда-то она и решилась. Хотя и знала: никто в здравом уме не занимает денег у Гвидо, если можно не занимать. Она ещё подумала тогда, что загоняет себя в силки. Потому что заработать за три месяца триста дукатов, чтобы отдать долг, да ещё проценты Гвидо, да ещё накопить триста дукатов на следующий взнос, ей явно не под силу. Но деваться было некуда. Она гордо сказала людям Ногарола, чтобы убрались с порога и приплыли за деньгами через три дня.

Они и убрались, ехидно улыбаясь и пообещав, что если через три дня денег не будет, то ей несдобровать. А ещё сказали, что напомнят о себе, чтобы она не забыла про долг. Вот и напомнили, разбив витраж!

И что делать дальше, она пока не представляла. Вспомнила, как Гвидо плотоядно улыбнулся, окинув её фигуру масляным взглядом, и в свете огарка свечи во рту у него блеснул

золотой зуб.

– А чем обеспечишь? – прищурился он, выкладывая на стол монеты.

– У меня есть лавка и...

– Зачем мне твоя лавка! Ногарола всё одно её заберёт. Лавка мне без надобности, а вот ты – другое дело. Бери деньги, не вернёшь – сама отработаешь, – он подмигнул и подвинул монеты своей огромной лапищей, покрытой рыжими волосами почти до самых пальцев.

За эти руки да скверный характер его и прозвали Орсо – «медведь». И говорили, что вырвать должнику палец, а то и руку, для него было делом несложным. И теперь она в долгу у этого страшного человека, чью пузатую лодку-маскарету¹⁷ с головой змеи на носу пропускают на каналах даже констебли, делаясь в такой момент слепыми и глухими. Недаром болтают, что Гвидо приплачивает им за молчание.

Когда деньги, добытые у Гвидо Орсо, были спрятаны в тайник, и злость прошла, её место заняли осознание и ужас сотворённой ею глупости. Миа заперла лавку изнутри и достала старую засаленную колоду карт с голубым крапом. Эта колода принадлежала ещё её матери. Этой колодой женщины семьи Росси гадали только для себя. Она закрыла глаза, долго держала её в руках, вспоминая лицо матери, а затем вытащила три карты. Перевернула и почувствовала, как всё холодеет внутри.

¹⁷ Маскарета – название венецианской лодки.

Повешенный. Смерть. Влюблённые.

Нет, конечно, карты нужно толковать. И Повешенный не означает, что кто-то кого-то повесит. Но для неё этот расклад говорил только об одном: всё будет плохо.

Первая карта – она в тупике. Вторая карта – ей придётся что-то потерять. А третья карта – испытания. Выбор между умом и сердцем.

Выпади такое клиенту, она бы ему посочувствовала и велела быть осторожнее. Не принимать решений, на которые толкает сердце. Опасаться тёмных переулков. Не брать в долг. А вот что посоветовать себе?

– Выкрутишься, конечно! – подмигнула ей Николина, подбадривая. – Вот скажи, на сколько дукатов я сегодня продам товара? А я тебе тоже что-нибудь хорошее предскажу.

– На десять дукатов продашь, – ответила Миа с улыбкой.

Николине легко предсказывать: она каждый день продаёт на девять дукатов и восемьдесят сантимов, и ради того, чтобы предсказание сбылось, на двадцать лишних сантимов она точно кого-то уговорит.

– А я вот что тебе предскажу! Пусть к тебе сегодня придёт... богатый синьор. Да что там богатый... пусть будет очень богатый! И отвалит кучу денег! – рассмеялась Николина, закатив глаза и подбоченясь. – Ты поломаешься, конечно, немного, как настоящая синьора, а потом расскажешь ему всю правду! А может, он и влюбится даже в тебя и позовёт жить к себе в палаццо! Будешь есть на золоте, спать на

лебяжьем пуху и есть спаржу, – Николина обернулась и, указав пальцем на лодку, что двигалась навстречу, добавила: – А вон, кстати, и он, явно чалит к твоему берегу! И, судя по всему, это чванливый патриций. Всё, как ты любишь! Ты уж не стесняйся, – добавила она шёпотом, – оборви с него все лепесточки!

– Очень кстати, – усмехнулась Миа, – вот с него я и возьму свои сто дукатов, или пусть плывёт восвояси. И вообще... расскажу-ка я ему всю правду, благо сегодня я очень и очень зла!

– Удачи тебе, Миа! – воскликнула торговка, ловко отталкиваясь веслом от причала.

– И тебе, Николина.

Глава 2. Предложение, от которого нельзя отказаться

Миа окинула клиента цепким взглядом. Богатая гондола, совсем новенькая, с фигурой ангела на носу. Верх чёрного борта всё ещё отливает свежим лаком, сиденья обиты красной тиснёной кожей, и гондольер, подпоясанный новым кушаком, стоит с таким спесивым выражением лица, словно привёз самого дожа!

Мужчина, сошедший на рива дель Карбон, показался Дамиане на редкость неприятным. Сразу видно – патриций. Уже немолодой и чуть сгорбленный, но покрыт налётом надменности, словно позолотой, да в три слоя! Одет во всё чёрное, как гробовщик, но одежда дорогая – сплошь бархат и атлас. И на ногах не короткие сапоги, какие обычно носят синьоры в пору большой воды, а мягкие замшевые туфли с серебряными пряжками, в каких ходят, наверное, только дожи в своих покоях. Длинные чёрные волосы небрежно перехвачены на затылке широкой лентой. Пряжка на шляпе, пряжки на туфлях, булавка на шейном галстуке, запонки и пуговицы оправлены в серебро. Всё это дорогое, с камнями, и даже одна запонка стоит столько, сколько Миа и за год не заработает. Странно, что этого господина не в паланкине принесли: таким небожителям не пристало пачкать свои туфли

о мостовую бедной сестьеры.

– Монна Росси? – мужчина заложил руки за спину и остановился, разглядывая осколки стекла и Дамиану с корзиной овощей.

– Это я, – ответила Миа и, подхватив одной рукой цветастую юбку, а другой корзину поудобнее, направилась в лавку.

После разбитого витража разговаривать с одним из патрициев ей хотелось меньше всего. А ещё ноздри снова почувствовали, как дрожит воздух, принося тяжёлый сладкий запах магнолий. Весна близилась к концу, и деревья в саду Дворца Дожей в центре Альбиции, должно быть, уже зацвели. И, может быть, их аромат долетел сюда от самого Дворцового канала, а может, это Светлейшая снова приподнимала перед ней завесу своих тайн, но этот запах преследовал Дамиану неотступно с раннего утра.

Мужчину приглашать не пришлось. Он, нисколько не стесняясь, вошёл в лавку сам, старательно обходя осколки и чуть прихрамывая на одну ногу. Осмотрел придирчивым взглядом стоящие на прилавке плошки, баночки и мешочки с травами и брезгливо потянул ноздрями воздух. Рассыпанные по полу специи источали сильный аромат.

– Желаете перца или куркумы? – спросила Миа, ставя корзину у прилавка.

– Я слышал, вы торгуете не только перцем, но и тайнами, – произнёс мужчина, разглядывая линияющую занавеску, отделявшую лавку от небольшого столика, на котором Миа

обычно раскладывала карты.

– Я не торгую тайнами, синьор... как вас, простите? – она посмотрела на гостя, но тот старательно прятал лицо в тени своей шляпы.

– Зовите меня... допустим... Массимо.

– Ну так вот, я не торгую тайнами, синьор «допустим Массимо». Я просто гадаю на картах и кофейной гуще, – ответила Миа прямо, стараясь не выдать явно своего раздражения.

Не любила, когда клиенты начинали разговор так витиевато и издалека, словно бы намекая на то, что она занимается чем-то незаконным или неприличным, и они не хотят в этом испачкаться, назвав вслух карты картами, а гадание гаданием.

– Ну, пусть будет так. Не торгуете, значит. Я хочу задать вам несколько вопросов и получить несколько ответов. Честных, разумеется.

– Вы задаёте вопросы, и на них отвечают карты. Ну, или кофе. Так карты или кофе? Я сварю, – она положила руки на бёдра и принялась беззастенчиво рассматривать своего клиента.

– И кофе придётся пить? – спросил он с сарказмом в голосе.

– Да, синьор Массимо. Кофе придётся пить, – ответила она, едва удержавшись от ответной колкости.

Это какого-нибудь торговца или гондольера можно поставить на место, сказав, что он может и не пить, а сделать с

чашкой кофе всё, что ему позволит его дурная фантазия. Но патрицию такого точно не скажешь.

– Сомневаюсь, что вы сварите приличный кофе. Или, полагаете, стоит рискнуть? – гость криво усмехнулся, отчего нижнюю часть его лица слегка перекосило, и Миа почувствовала, как от накатившей на неё волны раздражения воздух вокруг начал дрожать.

Значит, у неё паршивый кофе?! Вот же заносчивый индюк! Стоило бы сварить ему пойло из каштанов и цикория, и предсказать срамную болезнь, чтобы он убрался из лавки как можно скорее!

– Думаю, синьор Массимо, ради тайн, которые вы хотите узнать, вам придётся вытерпеть одну чашку дрянного кофе. Но, если вы не хотели оскорбить моё умение варить кофе и, собственно, сам мой кофе, то извинения я предпочитаю брать серебром.

Мужчина вытащил из кармана огромный шёлковый платок и, демонстративно вытерев им стул, сел за столик.

– Что же, обойдёмся картами. Я уже позавтракал и не хочу так рисковать своим желудком, – он откинулся на спинку стула и стал неторопливо, палец за пальцем, стаскивать перчатки.

А Миа отодвинула стул с другой стороны стола и специально села, как сидят, выпрашивая милостыню или гадая, мамы-цверры на окраинах площадей-кампо. Согнув ногу в колене и положив под себя так, чтобы из-под юбки торчал

носок туфли прямо на уровне стола. Пусть синьор побесится...

Синьор покосился на потёртую подошву, но не подал виду, что ему это очень не понравилось.

Терпеливый. Но это временно.

Миа потянулась к прилавку, достала из корзины яблоко и с хрустом его надкусила, а синьор бросил перчатки на стол и скрестил руки на груди. На его мизинце блеснуло кольцо – роза, а вокруг змея, свернувшаяся в клубок, и Миа чуть яблоком не подавилась.

О, Серениссима¹⁸! Да это же герб дома Скалигеров!

Выходит, этот мрачный мужчина в замшевых туфлях сам Лоренцо делла Скала – один из членов Совета Семи¹⁹, подеста²⁰ Альбиции и брат того самого маэстро Л'Омбрэ, о котором они только что судачили с Николиной! Брат Хромого, прозванного маэстро Тень! Сам городской глава в её лавке?! О-ля-ля! Приметы не соврали...

И что за нелёгкая принесла сюда это воплощение зла? Как так случилось, что за неделю её лавку почтили своим вниманием две самых могущественных семьи Альбиции, которые к

¹⁸ Ит. Serenissima – Светлейшая; полное название: Serenissima Repubblica di Venezia – Светлейшая Республика Венеция. В контексте романа полное название республики Альбиция и имя богини цверров.

¹⁹ Совет семи – орган управления республикой.

²⁰ Подеста – Подестá (итал. podestà) – глава администрации (подестата) в средневековых (XII–XVI века) итальянских городах-государствах. Слово происходит от лат. potestas, означающее «власть». В контексте романа мэр города.

тому же сильно недолюбливают друг друга? От одного герцога ей достался разбитый витраж и неподъёмная рента, а с чем пожаловал второй?

Она вспомнила недавнее гадание самой себе и подумала, что появление одного из Скалигеров здесь – это очень плохой знак. Что бы там ни хотел узнать этот фальшивый Мас-симо, надо побыстрее выпроводить его прочь. И лучше, конечно же, его не злить. Хотя это сделать было труднее всего. Слишком уж брезгливо и с презрением синьор делла Скала рассматривал убранство её лавки. По его взгляду было видно, что монна Росси и её лавка для него всего лишь мусор, о который он боится испачкать свои замшевые туфли. И только какая-то исключительно острая нужда заставляет его терпеть запахи перца и куркумы.

Синьор делла Скала достал другой платок, поменьше, отороченный по краю кружевом, и приложил его к носу, пытается, видимо, отгородиться от густых пряных ароматов.

– Сто дукатов, – бросила Миа, ощущая, что гнев уже щекочет ноздри ни с чем не сравнимым запахом предчувствия.

– Сто дукатов?! – искренне удивился её гость, вздёрнув подбородок, и его густые чёрные брови сошлись на переносице.

– Сто дукатов, – пожала плечами Миа и ещё откусила от яблока, аккуратно положив поставив огрызок на край стола.

Как долго ещё выдержит синьор?

– Это почему же вы удостоили меня такой непомерной це-

ны, монна Росси? Вы, часом, не переоцениваете свои услуги? – он усмехнулся.

– Сто дукатов потому, синьор делла Скала, что я знаю, кто вы. А посещение моей лавки патрициями на этой неделе идёт по сто дукатов с персоны. Слишком уж много убытков, – она махнула рукой в сторону окна. – Как видите...

– Я слышал о синьоре Барбиано, – синьор делла Скала снял шляпу, и достав кошелёк, положил его и шляпу на край стола. – Собственно, поэтому я и здесь, я наслышан о вас. Но, прежде чем мы перейдём к главному, сначала ответьте мне на один вопрос, монна Росси, и поверьте, я оплачу ответ, если он будет честным.

Он о ней наслышан? И откуда, интересно? Она ведь не настолько известная персона, чтобы ей интересовался один из Скалигеров.

– Прошу, – Миа взяла колоду и тремя лёгкими движениями перетасовала карты. – Так что за вопрос?

– Вы просто шарлатанка или действительно что-то можете? – синьор делла Скала впился в неё взглядом чёрных, как уголь, глаз, и это стало последней каплей.

Не каплей... Спичкой, брошенной на тонкую плёнку цветочного масла, запах которого наполнял уже всё вокруг. Мир вспыхнул от этой спички, раскинулся огромным веером, и, не спрашивая её желания, картинки замелькали перед глазами, смешиваясь и перетекая одна в другую. Миа смотрела в лицо синьора делла Скала невидящим взглядом, а пальцы

ловко вытягивали карты и веером, вторя мелькающим картинкам, раскладывали их на столе.

— То, что вы из Скалигеров, я поняла по вашему кольцу, — произнесла она, неспешно подвигая вперёд первую карту и не отводя взгляда, застывшего на переносице сидящего напротив синьора, — по надменности и одежде. По вашей гондоле. Вы хромаете и ходите в мягких туфлях, но без трости... это всё больные суставы... Нетрудно догадаться, что вы синьор Лоренцо делла Скала. Ваш брат Райнере делла Скала, но все в этом городе зовут его маэстро Л'Омбрэ, наверное, за его мрачность и... плащ. Говорят, он помогает командору Альбано, а может, и самому Великому инквизитору. Но вряд ли вы пришли сюда затем, чтобы узнать, изменяет ли вам жена, потому что вы не женаты. Если вы захотите что-то узнать... в этом городе для вас нет тайн. У вас есть для этого слуги и бульдоги-сикарио, которые вытрясут из человека любой секрет. Но, несмотря на это, вы всё же лично пришли в мою лавку в такую рань, пересилив всю вашу брезгливость, а значит, дело очень важное, и ваши сикарио, и слуги не могут вам в нём помочь. Вы в тупике. А раз вам не помог даже ваш умный брат, то, наверное, это ну о-о-очень тупиковый тупик и очень важное-преважное дело, раз вы готовы поверить мне на слово в том, шарлатанка я или нет, и заплатить за это сто дукатов, — она опустила взгляд на карты и добавила: — А я могла бы назвать и двести...

Этому её научила мама. Наблюдать. Не всегда можно по-

ложиться на карты или видения. Не всегда Светлейшая откликается на твой зов, а клиент должен платить всегда. Поэтому и нужно наблюдать.

Входя в каждый дом, мать говорила ей, на что обращать внимание. Замечать всё: от чистоты обуви и количества зеркал, до того, сколько приборов стоит на столе и как одеты кухарки. Портреты на стенах, одежда синьоров, какой свежести кружева на платье хозяйки и особенно запахи...

Запах богатства нельзя спутать ни с чем. Как и запах бедности. Или запах болезни...

Иной раз её мать могла предсказывать будущее главы дома и без всяких карт, лишь по тому, что успевала заметить, проходя первый этаж. Например, у парадного причала – лодку доктора Тессио, самого дорогого маэстро медицины в Альбиции, и в гостиной запах сердечных капель. Она делала скорбное лицо и сочувственно качала головой, глядя на расклад на столе, и говорила, что видит тяжёлую болезнь. Синьоры ахали, складывали руки в молитвенном жесте и дальше рассказывали сами всё как есть.

Монна Росси была очень умной и наблюдательной женщиной, и этой наблюдательности обучила и маленькую Дамиану. И сейчас Миа сделала то же самое, с той лишь разницей, что не стала разыгрывать перед синьором Лоренцо дешёвый спектакль, понимая, что он не тот человек, которого можно водить за нос. И этому её тоже научила мать: разделять людей на опасных и нет.

– Ну, а на остальные вопросы, синьор делла Скала, вам ответят карты и шар, – она подвинула стеклянный шар на середину стола. – Задайте вопрос, только не вслух, а про себя, возьмите три карты и переверните. А я озвучу вам ответ, который вижу в картах и шаре. И уж тогда решайте – шарлатанка я или нет.

Она моргнула и ощутила, как внутри всё сжалось от страха. Она так разговаривает с тем, кто может лишить её жизни одним щелчком пальцев! И эта смелость, граничащая с наглостью, может дорого ей обойтись. Но сладкий запах магнолий уже заглушил ароматы перца и гвоздики, воздух в лавке наполнился предгрозовым напряжением, и в такие моменты, когда Светлейшая открывала перед нею дверь в другой мир, всё отступало на второй план.

Синьор делла Скала промолчал. Поджал губы, в задумчивости глядя на стол, взял три карты и перевернул.

Миа некоторое время смотрела на них, почти не видя картинок, лишь знойное марево, растворяющее очертания стола, а затем коснулась их кончиками пальцев. Мир дрожал, как поверхность летнего пруда, по которой скользят длинноногие водомерки, и от их движения кажется, что водная гладь похожа на натянутый шёлк. А она смотрела в середину шара, старательно делая вид, что видит что-то именно в нём.

И этому её тоже научила мама. Нельзя, чтобы люди знали о том, какой силы её дар. Это может стоить ей жизни. Кто-то захочет использовать его, и тогда ей несдобровать. Мать

убеждала в этом маленькую Дамиану каждый раз, выходя из богатого дома и пряча в сумку шар. Пусть лучше думают, что всё дело в шаре и картах, а не в ней. Немного правды, немного лжи, туманные намёки, одна яркая деталь и никаких подробностей. Будущее должно представляться смутно...

И эту науку Дамиана запомнила наизусть.

– Ваш вопрос о каком-то письме, – произнесла Миа глухо, пытаясь уловить тени-видения, скользящие по прозрачному шёлку. – Неприятном письме... Вы не ожидали его получить. Это известие о том, что кто-то... оказался жив. Вы считали этого человека мёртвым, но он жив. И это плохо для вас. А теперь вы думаете, что...

Миа отдернула руку от карт и сглотнула, боясь закончить фразу, и от страха у неё язык пристыл к нёбу. Чёрные глаза синьора делла Скала прожигали насквозь, и, видя, как она замерла, боясь сказать лишнего, он усмехнулся криво, отчего его щека даже немного дёрнулась, и тихо произнёс:

– И что же я думаю? Говорите, монна Росси, прошу вас. Вам придётся сказать, вы же понимаете?

Это прозвучало почти как угроза.

– ... что лучше бы этому человеку было так и оставаться мёртвым. Ну и... вы хотели бы помочь ему таким и оставаться. Так вы подумали, – закончила Миа внезапно охрипшим голосом.

У неё пальцы на ногах похолодели от страха. Мама говорила много раз, что можно говорить синьорам, а что нет, и

как уходить от судьбоносных ответов. Но сейчас синьор делла Скала так сильно её разозлил, что она не смогла вовремя остановиться, а ведь слово не воробей... и теперь это может стоить ей жизни. Причём прямо сейчас, в этой лавке. Она не сомневалась, что он может убить её даже здесь. Если захочет.

Но синьор Лоренцо вдруг взял кошелёк, потянул завязки и высыпал его содержимое на стол. Отделил половину ладонью и подвинул в сторону Дамианы.

– Первую половину ваших денег вы заработали. Теперь ответьте ещё на один вопрос, и получите вторую.

А Мии даже руки задрожали, так страшно ей было дотрагиваться до карт, но злость ушла, и Светлейшая тут же захлопнула дверь. Теперь хоть лбом стучись – ничего не увидишь. Но и увиденного было достаточно, чтобы отбить желание погружаться в тайны высочайшего семейства Скалигеров.

Не так уж ей и деньги нужны...

– Я не могу. Больше не могу. Простите, – Миа сгребла карты и убрала колоду. – Можете забрать ваши деньги, и... уходите.

Синьор делла Скала неторопливо достал золотые часы с гравировкой и, открыв крышку, посмотрел на циферблат, а затем на разбитое окно и осколки на полу. И Дамиане показалось, что этот взгляд не сулит ничего хорошего. Вспомнились те карты, что недавно она вытащила для себя...

Светлейшая, пошли мне мудрости не ошибиться!

– Ну что же, монна Росси, я не хотел вас напугать, да и, пожалуй, мой визит затянулся, так что перейду к главному. К тому, зачем пришёл, – произнёс синьор, вальяжно развалившись на стуле и продолжая сверлить Дамиану взглядом. – Видимо, вы всё же что-то можете, и ваша наблюдательность, кстати, весьма похвальна. Она тоже мне пригодится. Я знаю, что вы не могли догадаться и не могли предположить, какой именно вопрос я задумал, – он говорил нарочито медленно, наблюдая за своей собеседницей, как кошка за мышью, – но вы ответили очень близко к тому, о чём шла речь. А значит, вы можете оказаться полезны. Я действительно герцог дела Скала, и мой младший брат – тот самый маэстро Тень, как называют его в вашей сестьере. И я хотел бы нанять вас, монна Росси, чтобы вы помогли моему брату в деле о мёртвых «бабочках». Я уверен, вы о них наслышаны.

– Я?! – у Дамианы даже горло перехватило от неожиданности.

– Вы.

– Почему я? И в каком смысле – помочь? И какое это вообще имеет ко мне отношение? – воскликнула она с удивлением.

– Если вы и в самом деле не шарлатанка, вам не составит труда показать моему брату такой же фокус с картами, как вы только что показали мне. Хотя, как человек более рациональный, он, конечно, будет недоволен и вряд ли поверит вам на слово вот так сразу. Но это предоставьте мне. Хотя вы,

с вашими-то талантами, я уверен, умеете убеждать людей, – он недвусмысленно показал на лежащие на столе монеты. – Сто дукатов за гадание – это самая высокая цена, какую я когда-либо платил за нечто эфемерное.

– И какая мне с этого польза? – спросила Миа, не задумываясь.

– Я вам за это заплачу.

– Сколько?

– Ещё сто дукатов.

– Триста.

– За фокус с картами?! – усмехнулся герцог. – Не слишком ли высоко вы себя цените?

Он небрежно покрутил пальцами в воздухе, обводя ими всё окружающее убранство лавки.

– Птицу счастья нужно хватать за хвост, синьор делла Скала, – так говорила моя мать. Если вы можете заплатить сто дукатов, то сможете и триста. А мне очень нужны именно триста дукатов, – ответила она, скрестив руки и придав своему лицу невинное выражение.

Полюбить – так королеву, проиграть – так миллион.

Так говорил её отец. И хотя Миа не знала кто он, да это и не имело значения: детям, растущим в гетто, вопросов об отцах не задают, но мать как-то, будучи в благодушном настроении, произнесла эти слова и сказала, что он любил эту фразу.

– Но только вы должны кое-что знать, чтобы уж всё было

начистоту, – произнесла Миа, понимая, что самое время выложить все карты на стол, чтобы потом не пришлось раскаиваться, – я могу видеть кое-что в этом шаре, но это происходит не в любой момент. А лишь иногда, и в основном, когда я на кого-нибудь разозлюсь. Вот как сегодня из-за витража. Так что я не цирковая лошадь, синьор делла Скала, и если ваш брат будет щёлкать кнутом у меня перед носом, чтобы я прыгала в огненное кольцо и выдавала ответы, то сразу скажу – так не получится.

Синьор Лоренцо усмехнулся, но в этот раз его усмешка была не презрительной. Он натянул перчатку и, подвинув оставшиеся деньги ребром ладони, добавил:

– Поверьте, монна Росси, недостатка в злости у вас не будет. Если вы разозлились так сильно на меня, то уж мой брат Райно доведёт любого до белого каленья. И если вы выдержите рядом с ним две недели и не сбежите, и если от вашего шара будет какая-то польза, я вам дам ещё триста дукатов просто так. Слово герцога.

Шестьсот дукатов? Святая Лючия! Она и на десять не могла надеяться! Да за шестьсот дукатов она, пожалуй, обуздает свой нрав и будет вести себя как кроткая овечка в ангельском пуху! Но не может же всё быть так просто?! Если перед тобой сыр, и ты не видишь мышеловки, то это лишь потому, что мышеловка очень большая.

– Выдержать две недели? И всё? – удивлённо спросила она. – И что я должна делать? Ходить за ним по пятам?

– От вас должна быть практическая польза: ваши предсказания должны ему помочь. А так да, две недели ходите за ним тенью. Ну, так что, вы согласны? – спросил синьор делла Скала, покосившись на огрызок яблока, и его слова прозвучали почти как призыв к грехопадению.

Ходить тенью за маэстро Тенью?! О-ля-ля! Вот это каламбур!

– И что именно я должна буду делать?

– Гадать, смотреть в ваш стеклянный шар, пройтись по местам преступлений с Райно и увидеть в вашем шаре всё, что сможете увидеть. Мне нужно найти убийцу, монна Росси. И побыстрее. Так что помолитесь вашей богине, покурите ладан, поплюйте через плечо, или что ещё вы там делаете, но дайте мне ответы, – он произнёс последние слова с нажимом, и Миа поняла, что для него это крайне важно.

Но какое дело может быть самому герцогу делла Скала до каких-то там убитых торговок и путан? Его ноги в замшевых туфлях даже не касаются тех мостовых, где ходили несчастные женщины.

– А зачем это вам? – спросила Миа с изумлением.

– А зачем вам знать о том, зачем это мне? – спросил синьор делла Скала жёстко. – Я вам плачу – вы делаете. А вопросы, на которые нет ответов, оставьте вашим картам. Если вы хоть вполовину так хороши, как о вас говорила синьора Перуджио, то вы и сами всё поймёте. Со временем.

Синьора Перуджио! Так вот в чём дело!

Пожилая синьора, которой этой зимой исполнилось сто лет, явилась к ней на прошлой неделе. Её принесли в паланкине четыре бульдога, опоясанные алыми кушаками с гербами дома Перуджио, увешанную бриллиантами и закутанную в накидку из серебристой лисы. Делфина Перуджио водрузила на стол ларец и стала доставать оттуда разные вещи: украшения, старый веер, какие-то безделушки. Она собиралась умирать и хотела напоследок узнать некоторые тайны своей семьи. И это было в тот день, когда Дамиана прочла указ о повышении ренты. Ох, как же она была зла!

Вот и рассказала старушке всё без утайки. Про то, что муж спал с её сестрой, про детей, про долги, про любовниц мужа и её любовников. Про какой-то тайник в стене их спальни и даже про дворецкого, что приторговывал опиумом. Жизнь синьоры Перуджио и её семейства была крайне насыщена событиями.

Старая синьора слушала внимательно, теребя скрюченными пальцами шёлковый платочек, и ушла, щедро заплатив. Дамиана и не думала, что она кому-то проболтается! А уж тем более самому подеста Альбиции! Она и сегодняшний день-то помнила с трудом и путала имена своих детей!

– А если ваш брат выставит меня? Я слышала, что у него тяжёлый характер, – осторожно уточнила Дамиана, вспомнив разом всё, что болтали в сестьере Пескерия о Хромом.

– Не выставит. Он мой должник, и ему придётся терпеть вас, хочет он этого или нет. А если выставит – вы всё равно

получите обещанные деньги, я ведь дал слово.

– А если я ничего не увижу?

– Две недели, монна Росси. Две недели вы будете неотступно следовать за моим братом и смотреть на всё, что он делает. Потом вы будете смотреть в свой стеклянный шар или в карты, или куда вам там надо смотреть. А после вы расскажете мне всё... всё что вам удалось увидеть. Абсолютно всё, – произнёс он с особой интонацией, – и большего от вас не требуется. Надеюсь, вы понимаете? И запомните сразу – не пытайтесь меня душить или что-то выдумывать. Райно сразу же распознает вашу ложь. Но я всё-таки думаю, что ваш стеклянный шар поможет моему брату поймать убийцу.

Вот теперь Миа ясно увидела границы мышеловки. И с ужасом подумала: всё выглядит так, что ей придётся ещё и следить за маэстро Л'Омбре, и всё докладывать его брату! Кажется, именно этого от неё ждёт синьор делла Скала.

О, Серениссима! Шпионить за Хромым?! Да у неё от одной это мысли холодеет внутри!

Но в туманной неопределённости будущего совершенно определённым был только золотой зуб Гвидо Орсо да бульдожьей морды сикарио герцога Ногарола. И шестьсот дукатов синьора делла Скала могли бы защитить её от невзгод хотя бы на полгода. А ради этого она готова была наступить на горло своей неприязни к патрициям и вытерпеть всё...

Ну или почти всё.

– Я понимаю, – ответила она. – Я согласна. И мне... нужен

аванс.

– Однако, какая вы меркантильная особа, – буркнул герцог, вставая, и, повелительно указав на остаток денег, приказал коротко:

– Это ваше. Собирайтесь. Я жду вас в лодке.

– Что, прямо сейчас?!

– Прямо сейчас.

Глава 3. Дополнительные меры в действии

Ранним утром того же дня.

В эту ночь колено болело особенно сильно. И Райнере делла Скала даже подумал, что это какой-то особый знак. Проклятый особый знак! Когда оно так же сильно болело в прошлый раз – нашли первую «бабочку».

Вот и сегодня он проснулся рано, будто предчувствовал. Да и сном это назвать было нельзя, смежил веки, но сразу провалился в какой-то кошмар, и тут же открыл глаза. Оделся, взял трость и спустился в библиотеку, проклиная длинные лестницы фамильного палаццо Скалигеров. Давно ведь уже думал о том, чтобы перебраться в комнаты пониже, у воды. Но, что поделать, правила есть правила: орлы должны селиться на вершинах. И жить на верхнем этаже его обязывало положение. Его комнаты находились под крышей, рядом с огромной террасой-альтаной, на которой выставлены кадки с лимонными и оливковыми деревьями. Откуда можно созерцать восход, водное зеркало лагуны и черепичную россыпь крыш всех семи островов Аква Альбиции.

А жить у воды – удел плебеев и пантеганов – огромных крыс, населяющих подмостья рынков и гетто. Вот и приходилось в такие ночи, как эта, когда боль заколачивает в ко-

лено адские огненные гвозди, взбираться или спускаться по лестнице, не зажигая фонарь, чтобы не попасться слугам на глаза.

Потому что Райнере делла Скала не любил никому показывать свои слабости.

Зря он вернулся в столицу. В материковой части страны ему было гораздо лучше. Сырость и воспоминания не тревожили адской болью в колене, и призраки прошлого не являлись во снах, вот так, как сегодня.

Райнере покосился на пузырёк с пилюлями – опиум, который прописал доктор. В этих жёлтых капсулах волшебство – избавление от боли...

Но от пилюль в голове становилось гулко и пусто, и хотя боль отступала, но мир размывался, наполняясь нереальными видениями, и терялась острота ума. А Райнере это состояние не любил. И в битве ясности ума против боли пока ещё побеждала ясность ума. Поэтому он вошёл в кабинет и принялся готовить кофе.

Кофе – это лекарство от всех невзгод. И его он предпочитал готовить сам, не доверяя кухарке, слугам и даже монне Джованне – почётной экономке дома Скалигеров. Она, безусловно, умела делать хороший кофе, но дело было не в самом напитке.

Приготовление кофе – это особый ритуал, который всегда его успокаивал и помогал упорядочить мысли. Хруст кофейных зёрен, густой запах, поднимающаяся пенка, тёплая чаш-

ка...

Солнце ещё не встало, и палаццо Скалигеров был погружен во тьму. Райнере неспешно и тщательно смолот зёрна, развёл огонь и налил в турку воды из кувшина. И когда густой аромат поплыл по комнате, он зажал чашку в ладонях.

Вот теперь можно стоять на балконе, глядя на Дворцовый канал в ожидании рассвета, и, вдыхая бодрящий аромат, думать. В такие моменты он не хотел, чтобы его тревожили. В такие моменты в голове всё расставлялось по местам, и будущий день приобретал чёткий и ясный план, которому оставалось просто следовать. Райнере любил, когда все события его жизни укладывались в структуру, которую он для них создал. Сначала завтрак: два яйца, пара тостов с маслом и апельсиновым джемом, свежая газета. Затем он посетит библиотеку Сан-Марко – там для него отложена на сегодня редкая книга, после – палату Совета Семи и рынок Лидо, где его ожидает перчаточник по одному нетривиальному вопросу...

День был распланирован и заканчивался вечерним посещением базилики с тётей Перуджио: сегодня его очередь вести столетнюю синьору на беседу с богом.

Но в это утро его ритуал бесцеремонно нарушил командор Альбано, прислав гонца с новостью, что кто-то из констеблей обнаружил на одной из площадей новую «бабочку». И когда посыльный изо всех сил ударил веслом о колокол, висящий у причала палаццо Скалигеров, вслед за ритуалом на части распался и чёткий план сегодняшнего дня.

Выходит, колено болело не зря.

В этот раз «бабочкой» оказалась контарина – торговка биром из лавки на мосту Фузери. Там, где рива дель Кальдере встречается с рива дей Фузери, перед мостом есть маленькая площадь – кампьелло Делиси. Всего-то пятак земли в том месте, где набережные, забранные бутовым камнем, встречаясь, образуют пустой угол. Днём там полно народу, горожане швартуют лодки, лавочники на мосту ведут бойкую торговлю, а вот ночью...

Ночью здесь нет никого, кроме крыс.

Фонарь, закреплённый на носовом крюке лодки, качнулся, выхватив из темноты место преступления, и Райнере прищурился, глядя в сумрачный берег.

Она лежала прямо там, на камнях у воды. Как и в прошлые разы, одежду убийца забрал. Но при этом стыдливо прикрыл её наготу жёлтыми лепестками. Руки скрещены на груди, рыжие волосы расчёсаны и разложены вокруг головы прядями, словно лучи солнца. А слева и справа жёлтыми лепестками магнолии выложены крылья бабочки.

В столь раннее утро краски ещё тусклы. Свинцовая вода сливается с серым камнем набережной и тёмными фундаментами домов. Весь город сейчас похож на шкуру пантегана – огромной альбицийской крысы, живущей в подмостьях и подвалах у воды. И посреди этой серости белое пятно тела выглядело чужеродно, будто кричало о том, что ему тут не место.

Райнере выбрался из гондолы, опираясь на трость, перенёс тяжесть тела на здоровую ногу и направился к людям, толпящимся у края воды, чуть дальше по набережной.

Это уже четвёртая «бабочка». К счастью, газетчики знают только о двух, и, к счастью, ещё раннее утро: люди командора Альбано успеют тут прибраться до появления лавочников на мосту.

Дожу не хватает только ещё одной «бабочки» для очередного скандала. И так в Совете всё уже трещит по швам. Город напуган. Лоренцо в бешенстве, и Райнере обещал разобраться с этим делом, но...

Но вот уже четвёртая «бабочка», а он всё так же далёк от разгадки этих убийств, как и в первый день. И это его ужасно раздражало, заставляя острый ум работать непрестанно, и почти совсем лишив его сна.

Райнере отобрал фонарь у констебля, прошёл вдоль канала, светя под ноги и внимательно разглядывая мостовую. Ясно одно – убили девушку не здесь, как и в прошлые разы. Привезли на лодке и положили на берегу в самый тёмный ночной час. Следов нет, берег сухой. Фонарь на крюке перед аптекой оказался погашен. И скорее всего, никто ничего не видел и не слышал.

Он склонился с фонарём, рассматривая девушку.

Сколько ей лет? Не больше двадцати. Не слишком красивая, среднего роста, худощавая, даже тощая, загрубевшие ступни, на тонких пальцах мозоли... Абсолютно ничем не

примечательная. Разве что волосы. Волосы патрицианки, пусть и не настоящего оттенка. Настоящие были тёмно-русыми и уже прилично отросли от корней.

Этот оттенок здесь называют «розовое золото». А Райнере сказал бы, что этот цвет скорее похож на помадную массу, из которой кондитеры делают жевательные конфеты. Молоко, сахар и патока, и самая малость ванили. Не рыжий, не золотой, не русый. Размытая смесь рыжего с розовым.

Каждая девушка из бедных сестёр мечтает о таком цвете волос. И для этого копит деньги, чтобы однажды навеститься к цверрам в гетто и купить средство, которое те готовят из конской мочи и кожуры золотого ореха. Потом волосы мажут этим средством и часами сидят на солнце в специальной шляпе с дырой на макушке и полями, прикрывающими лицо.

Какая глупость! Будь у этой девицы чуточку ума, она бы не стала портить волосы шарлатанским конским средством, и осталась бы жива. Потому что ещё ни одну плебейку цвет волос не превратил в патрицианку. А вот в приманку для какого-то ненормального – пожалуйста. Волосы всех убитых девушек были этого оттенка. И, если на третьей «бабочке» у него ещё были сомнения, то теперь они окончательно исчезли.

Райнере поёжился. Утренняя сырость пробирала до костей, и колено отзывалось на неё усиливающейся болью. Он достал из кармана пузырёк с пилюлями, посмотрел на него

и снова спрятал. Потерпит ещё немного.

Подошёл констебль и рассказал, что удалось узнать, опросив жителей соседних домов.

Ничего.

Никто. Ничего. Не слышал. Не видел. Не знал.

Как и в прошлые разы.

Райнере мысленно выругался и снова вернулся к лепесткам. Первая «бабочка» была тоже прикрыта лепестками, только не магнолии, а жёлтой форзиции, которая цветёт гораздо раньше. И вокруг девушки тоже были выложены крылья, правда, немного другие, более вытянутые – как у стрекозы. Но там, на кампо Вьехо, и места было больше, чем здесь, может, поэтому эти крылья словно сплющены, прижаты к телу? Райнере достал блокнот и карандаши и, вручив констеблю трость и фонарь, чтобы тот посветил, принялся делать набросок. Он не зря учился живописи у самого маэстро Луиджи – сделать зарисовку места преступления в деталях для него не составляло труда.

Отличий было немного: другие лепестки, немного другие крылья, всё остальное совпадало.

Один удар в сердце острейшим стилетом. Кто бы ни был убийца, своих жертв он не мучил. Райнере склонился к руке и повернул ладонью вверх. Такой же порез на запястье. Сто к одному, что, как и в других случаях, крови в теле совсем не окажется. Хорошо хоть доктор Феличе не болтлив. Не хватало, чтобы все газетчики бегали по улицам с воплями: «В

городе завёлся вампир! Вампир пьёт девичью кровь!»

Других ран на теле не было, равно как и синяков или ссадин. Убийца этих девушек не насиловал и не запугивал. На их лицах застыло безмятежное выражение покоя, как будто они заснули. Но безмятежность эта не была случайной, все они вдохнули состав, которым из-под полы торгуют цверрские старухи. Местные путаны называют его «Тихая ночь», и хотя за его продажу и использование полагается полгода тюрьмы и штраф, но кого и когда это останавливало? Если побрызгать этим составом платочек или цветок и дать понюхать человеку, то через некоторое время он погрузится в глубокий сон. Так путаны с рива дель Лавадоре успокаивали наиболее буйных клиентов, собственно, они-то и придумали ему такое многозначительное название. Но средство оставляло на крыльях носа след – что-то похожее на золотую пыльцу.

Райнере достал из внутреннего кармана специальную лупу с цветным стеклом. Присмотрелся – пыльца на крыльях носа девушки поймала свет фонаря и блеснула мельчайшими искрами. Всё совпало.

В остальном каждый раз одно и то же. Тело появлялось на одной из площадей в самый тёмный час. И...

Никто. Ничего. Не видел.

– Райно? Райнере?

Он обернулся на звук знакомого голоса и прищурился. Из темноты появился чуть сгорбленный силуэт в чёрном – его

старший брат Лоренцо, подеста Аква Альбиции. Глава города и его постоянный оппонент.

И вот уж это совсем некстати. Сразу видно – дурные вести разносятся быстро. Раз здесь появился его брат, значит, командор Альбано времени зря не терял. Брат сейчас примется на него давить, убеждая сосредоточиться и решить это дело быстро, как будто он и так не сосредоточен! А больше всего на свете Райнере не любил, когда на него давят.

– Доброе утро, – хмуро произнёс Лоренцо и, заложив руки за спину, склонился, рассматривая лепестки.

– Полагаешь, доброе? – спросил Райнере, не глядя на брата.

– Полагаю, могло быть и получше. Мысли есть?

– Мысли есть всегда. И есть новые детали. Но они тебя вряд ли порадуют, – ответил он, продолжая разглядывать крылья.

– И что же за детали?

– Лепестки.

– Лепестки? И что с ними? – Лоренцо распрямился и посмотрел на брата.

– С ними всё хорошо. Но это лепестки магнолии, а не форзиции. А точнее, это лепестки жёлтой магнолии. Понимаешь, что это значит?

– А должен? Не нагоняй тумана значительности, кариссимо²¹, ближе к делу. Иной раз мне кажется, что ты говоришь

²¹ Кариссимо – (итал. Carissimo) – дражайший. В контексте романа – дорогой

так специально, чтобы я злился.

– А ты, как всегда, преувеличиваешь. Ну, а если по делу... Жёлтые магнолии растут только в саду Дворца Дожей, – Райнере указал рукой в сторону Дворцового канала. – Либо убийца специально забрался туда за ними, либо он близок к окружению дожа. Лепестки свежие и сорваны прямо с дерева.

– Н-да... Это усугубляет и без того плохое положение.

– Это всего лишь лепестки. Их недостаточно для какого бы то ни было обвинения...

– ...но их достаточно для подозрения и недоверия, Райно. Кто-то из окружения дожа убивает девушек? Ты представляешь, что напишут в газетах? – фыркнул Лоренцо. – «Дворец Дожей полон убийц, подеста молчит, командор бессилён», – вот как напишут в газетах. И делла Ровере, и Ногарола только порадуются этой грязи и тут же вцепятся нам в глотки. Ты же понимаешь?

– Форзиция отцвела, зацвела магнолия. Всего лишь, – пожал плечами Райнере, – я думаю, тут всё же важен цвет. Хотя не факт, потому что сейчас это всё, что можно найти в городе цветущим. Так что думаю, убийце просто нужны были какие-нибудь цветы и много. Хотя, соглашусь, выглядит не очень.

– Тоже обескровлена? – Лоренцо будто пропустил мимо ушей рассуждение о цветах.

– Полагаю, да. Есть раны на запястьях. Посмотрим, что скажет доктор Феличе.

– Проклятье! Это уже четвертая жертва, а у тебя до сих пор ничего нет, Райно! Ты ведь знаешь, как я жду хоть каких-то результатов! Если газетчики пронюхают, что кто-то пьёт кровь невинных дев...

– Невинными я бы их не назвал...

– Это не имеет значения. У тебя есть хоть какие-то версии? – раздражённо спросил Лоренцо.

– Их слишком много, чтобы выделить какую-то конкретную. А тыкать пальцем в небо я не люблю, ты же знаешь. Пока не будет точной уверенности, я не стал бы кого-то обвинять.

– А ты не думаешь, что... хм, ну, это и правда тот... кто пьёт человеческую кровь?

– Ты хочешь сказать... – Райно посмотрел на брата с кривой усмешкой, – вампир?

– Вампир.

– Вампир? Серьёзно?! Лоренцо, но как ты можешь верить в подобный бред?! – усмехнулся Райнере.

– «Вампир» звучит лучше, чем «кто-то из окружения дожа, убивающий девушек по ночам»! И охота за вампиром не то же самое, что за каким-то маньяком. Ты только представь заголовки и скандал в Совете! Полагаю, сейчас нужны экстраординарные меры, – Лоренцо раздражённо отшвырнул носком туфли один из лепестков. – Мне кажется, карис-

симо, что на этот раз ты в тупике. И этот тупик может стоять мне места главы города. И не только...

– Послушай, Лоренцо, оттого, что ты будешь читать мне нотации, тупик никуда не денется. И я не лошадь, которой требуется пряник или кнут для того, чтобы бежать быстрее. Я работаю. Изучаю и собираю улики. Это всё же нетривиальное преступление. Как только у меня будут новости – ты узнаешь об этом первым, – спокойно ответил Райнере, не глядя на брата, и добавил: – И ничего не трогай, пожалуйста, – это место преступления. Хотя... уже светает, – он махнул рукой констеблю и крикнул: – Я закончил.

– Райно, вот и ты послушай, – Лоренцо склонился к плечу брата и произнёс тише, – ты же понимаешь, что именно поставлено на карту?

– А ты полагаешь, что не понимаю, и пришёл мне это разъяснить?

– Как знаешь. Надеюсь, ты тут приберёшься и не оставишь ничего лишнего. Не нужно газетчикам трубить на всю Альбицию, что подеста не может организовать поимку вампира-убийцы беззащитных девушек!

– Пока идёт следствие, об уликах никто распространяться не будет. Да и, как видишь, Альбано тебя понял без слов, – Райнере указал на людей командора.

Они бросились заворачивать тело в старый плащ, чтобы погрузить его в лодку, а он сам принялся сбрасывать лепестки в канал с помощью обломка весла.

– Думаю, всё-таки стоит обсудить дополнительные меры, – произнёс Лоренцо, посмотрев на светлеющее на востоке небо.

– Что-то вроде твоих идей пустить по следу собак, организовать ночной патруль или повесить по городу объявления о вознаграждении в пятьдесят дукатов за поимку убийцы? – спросил Райнере с лёгкой усмешкой. – Ты не слишком оригинален в своих методах, Лоренцо.

– Поскольку твои методы не работают, приходится импровизировать на ходу...

– Мои методы научны, и именно наука приведёт нас к разгадке, а вовсе не толпа шарлатанов, желающих получить твою награду в пятьдесят дукатов. Ты мог бы ещё приписать на плакатах адрес: палаццо Скалигеров. Представляю у нашей пристани толпу желающих поживиться.

– Полагаю, кто-то из них мог бы быть полезен...

– Полагаю, на триста двадцать восьмом нищем, желающем получить пятьдесят дукатов, который что-то видел и слышал, ты бы, наконец, прозрел и понял всю глупость этой затеи. Лоренцо, оставь свои попытки быть полезным: как говорят, ростовщику судить о золоте, а карбонарию – об угле. Когда будут новости, я дам тебе знать.

– И чем была плоха идея с патрулём? – спросил Лоренцо, повернувшись к брату.

– Чтобы найти иголку в стоге сена, нужна целая армия... муравьёв. Ровно столько же понадобится людей в патруль,

чтобы обшаривать каждую ночь все закоулки. Лоренцо, повторюсь: оставь попытки быть полезным в этом деле. Просто жди. И... не мешай.

– Найди мне кого-нибудь, кариссимо! Любого бродягу, пьяницу, какого-нибудь преступника, вампира, наконец, которого можно вздёрнуть на пьядца Романа. Мне нужно успокоить город.

– Кого-нибудь?

– Кого-нибудь. Главное – быстро.

Райнере развернулся и, преодолевая боль, направился к своей гондоле, отмахнувшись от слов Лоренцо. Он бросил последний взгляд на место преступления. Лепестки лежали на воде, и гондольер, махнув веслом, потянул их за собой, увлекая туда, где слабое течение вскоре отнесёт их к мосту. Площадь опустела, и на башне-кампанилле²² коротко звякнул колокол, возвещая наступление рассвета.

Ночь забрала свою жертву, и теперь жёлтые лепестки на тёмной воде выглядели как погребальный венок.

– Отчаливай, – коротко бросил Райнере гондольеру, и быстрое веретено лодки бесшумно заскользило по тёмной воде. – И подай фонарь.

Он положил трость рядом и открыл свой блокнот. Ему есть, над чем поразмыслить.

²² Кампанилла – Кампаніла – в итальянской архитектуре Средних веков и Возрождения квадратная (реже круглая) в основании колокольня, как правило, стоящая отдельно от основного здания храма.

Вернувшись в палаццо, он медленно поднялся в кабинет. Пока свежи впечатления, нужно всё расставить по местам. Сварил ещё кофе, достал блокнот и, вырвав листы, разложил их на столе. Взял рисунок с сегодняшней «бабочкой» и прикрепил на стену с фреской, на которой была изображена огромная карта Аква Альбиции со всеми каналами и мостами. Здесь уже висели зарисовки с других мест преступлений в сопровождении его заметок на маленьких клочках бумаги.

Четыре «бабочки»...

Четыре площади...

Это должно что-то означать... Послание? Но кому?

Лепестки жёлтой магнолии – послание дожу? Предупреждение об убийстве дожа? Грядущее покушение? Возможно...

А может, они ничего не значат.

А может, ритуал? Но какой? И почему жёлтый цвет?

Он изучил в библиотеке все культы, известные на сегодняшний день учёным мужам, но не нашёл ничего похожего.

Больше всего раздражало то, что он не может уловить тонкие связи. Всё в этих убийствах слишком похоже, и нет ничего, что позволило бы оттолкнуться от очевидных улик и подняться над общей картиной. Его дневной план был разрушен, колено болело, и цейтнот, в который загонял его старший брат, требуя поймать хоть кого-нибудь, чтобы вздёрнуть на площади, раздражал, наверное, даже больше всего осталь-

ного.

Райнере скрестил руки на груди и погрузился в глубокие раздумья. В раздумьях прошла половина утра и завтрак, который он проглотил, даже не заметив. В раздумьях он рассеянно отвечал своей экономке монне Джованне, в раздумьях разбил чашку, поставив мимо столика, и только появившийся ближе к полудню Лоренцо с очередным сомнительным предложением смог вывести его из этого состояния.

Предложение было не просто сомнительным, и даже не просто глупым, как идея развесить объявления по всей Альбиции. Сегодняшнее предложение было откровенно бредовым, особенно для главы города, хотя, может быть, степенью бредовости теперь измерялось отчаянье Лоренцо?

Его, конечно, можно понять: никто не хочет расстаться с местом главы города из-за убитых путан и торговек бисером.

А суть предложения заключалась в том, чтобы привлечь к расследованию... потусторонние силы. Ну, или как там это правильно называется?! Райнере от неожиданности сразу даже и не вспомнил.

– Цверра?! – спросил он, удивлённо воззрившись на брата и выслушав его внимательно.

– Цверра.

– Девушка?!

– Девушка.

– Гадалка?!

– Гадалка.

– Ты шутишь? Хм... Нет. Вижу, ты серьёзно... Нет... Я не верю своим ушам! Если я тебя правильно понял, карисимо, ты предлагаешь мне воспользоваться помощью грязной девицы с засаленной колодой карт и бутафорским шаром, которая дурит доверчивых богатых старух рассказами о «небывалой удаче»? – Райнере даже повысил голос, настолько был поражён предложением брата. – Услугами шарлатанки с самого дна Альбиции, которая надевает на себя за раз все юбки и стеклянные бусы, что есть у неё в гардеробе?! Хотя, что это я... какой там может быть гардероб! И... ты всерьёз предлагаешь мне пойти к ней просить о помощи?

– Ну зачем же идти, – спокойно ответил Лоренцо. – Она уже здесь. Прошу, входите, монна Росси.

– Ты притащил цверру сюда? Святой марангон! Советую тебе, дорогой брат, запастись средством от блох и велеть монне Джованне запереть серебро на ключ! – воскликнул Райнере, понимая, что, кажется, порядок в мире рухнул окончательно.

Лоренцо притащил сюда цверрскую гадалку!

И хотя брат и сказал, что это девушка, но воображение Райнере всё равно нарисовало совершенно другой образ: жутчайшую старуху, каких он видел сидящими на кампьялло Бовиани. С глазами, подведёнными углем, и скрюченными пальцами, в которых веером топорщилась колода засаленных карт. Разноцветные юбки, надетые одна поверх другой, аляповатые стеклянные бусы в семь рядов, тюрбан с перья-

ми, огромные серьги, браслеты и кольца из дешёвого чёрного серебра... Старухи сидели прямо на мостовых у воды, подогнув одну ногу под себя, и зазывали клиентов, ловко тасуя карты.

При них всегда орудовала орава детишек, которые лишь с виду выглядели страдающими ангелочками. Но, пока ты тянулся с милостыней к одному из них, двое других уже срезают твой кошелёк остро заточенной монетой, чтобы затем раствориться с добычей в хитросплетении переулков и дворов.

Райнере представил, как подобная старуха окажется в их гостиной, и решил позвать дворецкого и велеть ему выставить цверру прочь, потому что ничто не заставит его пасть так низко, чтобы променять науку на бутафорский стеклянный шар.

– Ты зря старался, кариссимо, – произнёс он и посмотрел на дверь.

И даже разозлился от того, что Лоренцо всё-таки удалось его удивить. Потому что воображение его подвело. И цверра, как и было сказано, оказалась вовсе не старухой, а молодой женщиной, вполне привлекательной лицом. Но... что это меняло! Юная шарлатанка – это же ещё хуже прожжённой старой ведьмы! Юности присущ ещё и длинный язык...

Зато всё остальное, что его воображение нарисовало перед этим, было при ней. Пёстрая юбка с множеством оборок, что-то красное сверху, бусы, браслеты и... волосы. Н-да уж,

волосы, разумеется, «розовое золото»! И собраны в рыхлый растрёпанный пучок, перевитый красной лентой, который, впрочем, выглядел куда лучше, чем цверрский тюрбан. Лицо... лицо, правда... было симпатичным. Даже очень. Даже чересчур для цверры. Зелёные глаза, светлая кожа... И можно было бы не обращать внимания на всё, что ниже шеи, но вот только над губой у девушки была прилеплена москета²³. Святой марангон! Какая вульгарность!

Маленькую точку из кусочка бархата патрицианки могли приклеить на лицо только на маскарад. Нарисовать тушью позволялось для балов и вечерних выходов, но никак не при дневном свете. А тут – середь бела дня! Эта девица будто пыталась выглядеть прилично, скопировав всё самое худшее от приличной синьорины.

Молодая женщина прислонилась плечом к дверному косяку, и Райнере совершенно отчётливо прочитал на её лице презрение. Несомненно, она услышала всё, что он о ней сказал. Ну и какая разница? Всё это правда, и Лоренцо, видимо, совсем спятил – притащил её в этот дом, да ещё и с такой идиотской целью!

– Вижу, кариссимо, ты совсем отчаялся, раз, не спросив меня, решил взять в помощники... хм... эту... милую... хм... девушку. И уж если ты решил, что это хорошая идея, то не стесняйся, предложи ей... что-нибудь, – Райнере раз-

²³ Москета – (итал. Mosca) – мушка. Кусочек чёрного пластыря, тафты, бархата, который приклеивался на тело в виде родинки.

дражённо махнул рукой, указывая на кресло.

Девушка бросила на пол джутовую плетёную сумку, которую держала в руках и, вздёрнув подбородок, произнесла, с вызовом глядя на Райнере:

– О-ля-ля! А я была лучшего мнения о воспитанности патрициев. Оставьте вашу снисходительность нищим! Для вас, маэстро Л'Омбре, я не «милая девушка», я – монна Дамиана Винченца Росси! И никак иначе!

– Маэстро Л'Омбре? – Райнере даже опешил. Никто не называл его в лицо подобным образом, а чтобы какая-то гадалка?! – Ну что же, монна-Дамиана-Винченца-Росси, и вам доброго дня. Доставайте свой шар и карты, или что там у вас ещё с собой. И делайте то... что вы обычно там делаете, чтобы выманить деньги у доверчивых старух. У меня мало времени на всякие фокусы, так что покончим быстрее с этим фарсом, – он перевернул песочные часы, стоявшие на краю стола, – ваше время пошло. А ты, кариссимо, скажи монне Джованне, чтобы вымыла стол с мылом после этого спектакля.

Наверное, взглядом монны Росси можно было бы поджечь даже воду в канале, но вода не вспыхнула, и Райнере каким-то краем сознания оценил её выдержку. Увидел лишь, как дрогнули ноздри девушки от усиленно подавляемого гнева. Она склонилась, достала из сумки стеклянный шар и карты и, не смущаясь, уселась в глубокое кресло, подогнув ногу под себя, как самая настоящая цверрская стару-

ха.

Ну ещё бы! Никто и не сомневался!

И только одного Райнере так и не понял: с чего это Лоренцо криво усмехнулся и внезапно стал таким довольным. Должно быть, он думает, что нашёл выход?

Придётся его разочаровать.

Глава 4. Каждый остаётся при своём мнении

– Выйдем поговорить.

Синьор Лоренцо сделал знак рукой брату, и они вышли из комнаты, а в дверях, как верный страж, замер дворецкий, не сводя с Дамианы глаз. Очевидно, все здесь были уверены, что она непременно обчистит их дом!

Миа слышала, как братья говорили на повышенных тонах, и, хотя до неё долетело лишь несколько обрывков фраз, понять, о чём шла речь, было не сложно. Маэстро Л'Омбре в язвительных выражениях объяснял брату, что думает о Дамиане и таких, как она. Да и вообще обо всех цверрах. И, если бы не дворецкий, она, конечно, подошла бы поближе и подслушала, но мессер Оттавио в зелёной ливрее выглядел внушительно и грозно, и всем своим видом выражал согласие с синьором Райнере по поводу присутствия гадалки в доме.

Ну и пусть. Плевала она на всех чванливых патрициев вместе взятых!

Миа крепилась изо всех сил, стараясь ничем не выдать своего раздражения, и утешала себя мыслями о шестистах дукатах, обещанных ей старшим из братьев. И только это удерживало её от того, чтобы встать и уйти, хлопнув дверью

так, чтобы от стен отлетела позолоченная лепнина, а хорошо бы, и вазы попадали с постаментов.

Потому что не столько её разозлило пренебрежение слуг и поведение синьора Лоренцо в лавке – она уже привыкла к высокомерию патрициев – сколько этот самый маэстро Л'Омбре и его слова. Вот они почему-то полоснули бритвой по живому.

«Шарлатанка с самого дна Альбиции»? Да чтоб вам пропасть! Напыщенный индюк! Сами ничего не можете, а она шарлатанка?!

Она ведь сюда пришла не по доброй воле. А по доброй воле и не взглянула бы в сторону палаццо Скалигеров, зная, что за люди тут живут. Так за что ей эти унижения? Ах да, за шестьсот дукатов. Ну, это, если она выдержит спесивого маэстро Л'Омбре две недели.

Раньше ей доводилось видеть его только издалека. Несколько раз на кампо Лидо. Да и то она не обратила бы внимания на высокого мужчину в чёрном плаще и с тростью – у неё и своих дел полно, чтобы глазеть на всяких прохожих. Но торговки шептались о нём, а Миа по привычке подмечала интересные детали.

Издалека маэстро Л'Омбре казался ей старше и как-то... страшнее. Его неизменный чёрный плащ с высоким воротником и трость прибавляли ему лет десять, а то и двадцать. Но в этой комнате, без своего привычного одеяния, он выглядел гораздо моложе. Высокий, худой, с гордой осанкой и

взглядом, полным ледяного презрения. Она бы решила, что ему не больше тридцати, хотя, может быть, так молодо он выглядит на фоне старшего брата? Но если сравнивать его с Лоренцо, то маэстро Л'Омбре был не только моложе, но и... гораздо симпатичнее. А может, Лоренцо тут был и вовсе ни при чём? И это даже озадачило – с чего бы ей находить этого индюка симпатичным?

Тёмные волосы, синие глаза, прямой нос... Правда, лицо, пожалуй, слишком бледное и надменное, но для патрициев это скорее достоинство, чем недостаток.

И вот если бы он и правда был хромым жёлчным стариком, страдающим от подагры или ревматизма, она бы, может, и не разозлилась так сильно. Старости присуща ненависть ко всему миру. Но маэстро Л'Омбре оказался молодым, привлекательным и заносчивым аристократом, которому она не давала никаких поводов для того, чтобы так её унижать, учитывая, что она никому не навязывала своих услуг.

Хотя, разве им нужен повод для унижений? Это право они получили при рождении.

Маэстро и одет был... высокомерно. Как и присуще патрициям, по последней моде – в редингот с тонким серебряным кантом вдоль пуговиц и тёмно-синие бриджи, и вся одежда идеально отглажена, и прическа волосок к волоску. Тьфу, просто! Ну, до чего лощёный франт! Даже трость у него была изящной, хоть и массивной, из дорогого чёрного дерева с инкрустированной серебром ручкой в виде головы

какого-то зверя. И вся эта элегантность показалась Дамиане ужасно раздражающей. До тошноты.

Миа никогда ещё не встречала человека, который бы с первого взгляда внушил к себе такое сильное неприятие.

А ещё её раздражал этот дом. И, наверное, дом был не виноват, скорее, это маэстро Л'Омбре своим высокомерием отбрасывал тень на всё, к чему прикасался. Но факт оставался фактом – дом тоже раздражал Дамиану абсолютно всем: своей помпезной красотой, статуями древних богов в нишах, позолотой и картинами, и даже слугами, которые смотрели на гостью как на вредное насекомое, посмевшееся пробежать по белоснежным хозяйским простыням. И они бы вымели её веником прямо в канал, щёлкни только пальцами кто-то из Скалигеров.

Но, кажется, больше всего её взбесило неприкрытое презрение Хромого к роду её занятий. Она ведь слышала всё. И про шарлатанку, и про юбки, и про бусы, и про средство от блох...

«...скажи монне Джованне, чтобы вымыла стол с мылом после этого спектакля...»

Её едва не потряхивало от этих слов. Как же в этот момент она ненавидела патрициев! Да, среди цверров немало тех, кто оправдал бы эти слова, но у патрициев водятся все те же самые блохи, и если бы только они! Когда мать раскладывала карты перед богатыми синьорами, какие только тайны «небожителей» не выплывали наружу!

Ей было так обидно, что захотелось сделать всё назло. Надеть ещё несколько юбок и наvertеть ужасный тюрбан, как у мамы Ленары, а в уши вдеть блестящие дешёвые серьги в три яруса и раскурить прямо здесь трубку с самым вонючим табаком, какой найдётся у торговков в гетто. Она и в кресло уселась, нарочно поджав под себя ногу и выставив на обозрение туфлю и голую щиколотку – пусть полюбуется! Раз уж он считает её грязной шарлатанкой – пусть так и будет. Чем грязнее и вульгарнее, тем лучше. А что ещё противопоставить раздражающей элегантности этого чванливого патриция?

Единственным приятным моментом было осознание того, что Лоренцо делла Скала поручил ей шпионить за родным братом. А значит, не всё благополучно в этой высокомерной семье. И если поначалу такое занятие показалось ей недостойным и опасным, то теперь она резко переменила мнение на этот счёт. Она с удовольствием проследит за ним, и чем больше его грязных секретов узнает, тем лучше! В этот момент опасность подобного занятия отступила куда-то на второй план.

Миа положила на стол стеклянный шар. Конечно, он ей без надобности, она и так всё видит, но люди верят в то, что в этом шаре есть какая-то сила, и именно на такой вере держится половина успеха любой гадалки. А заодно – и её безопасности.

Голоса стали громче и приблизились, дверь распахнулась,

и братья Скалигеры вошли, явно недовольные друг другом, но пришедшие к какому-то согласию.

– Проверь, кариссимо, – произнёс Лоренцо, указав рукой на шар на столе, – задай ей какой-нибудь вопрос, и, если она ответит неверно, можешь отправить её восвояси. Но если ответит верно – ты дал слово, уж сдержи.

– Вопрос? – усмехнулся маэстро Л'Омбре криво и как-то раздражённо и, скрестив руки на груди, посмотрел на Дамиану свысока. – Вопрос, значит...

Его взгляд медленно скользнул по её лицу вниз, на красную блузку и пёструю юбку, затем на торчащую туфлю и фривольно подогнутую ногу, а уж оттуда на стеклянный шар и колоду карт, лежащую на столе, и кривая усмешка стала ещё презрительнее.

– Хорошо. Чтобы прекратить этот фарс прямо сейчас, я задам очень простой вопрос. И ты поймёшь, Лоренцо, всю глупость этой затеи. Скажите, э-э-э... монна Росси... сколько чайных пар стоит у монны Джованны в буфетной?

Миа стойко выдержала этот водопад презрения и перевела взгляд на Лоренцо. И готова была поклясться, что старший из братьев явно наслаждается этим моментом.

– Чайных пар? – издевательски переспросила она и покачала головой: – О-ля-ля! Шестьсот дукатов вот за это? Ваша экономка может дать ответ на этот вопрос, стоит ли платить такие деньги? – она снова посмотрела на маэстро Л'Омбре и произнесла холодно: – Задайте вопрос не вслух, а про се-

бя. Вопрос, на который я точно не знаю ответа. А то, может, я подсмотрела ваши чайные пары, пока поднималась сюда. Шарлатанки обычно так и делают. Так что придумайте вопрос посложнее... э-э-эм... маэстро.

— У цверры внезапно обнаружилась профессиональная гордость? Надо же, это любопытно, — произнёс маэстро Л'Омбре с деланным удивлением, посмотрел на Дамиану как на какого-то диковинного зверя, и на некоторое время замолчал.

Кривая усмешка стёрлась с его губ, и меж бровей залегла тонкая складка задумчивости. Он приложил указательный палец ко лбу и наконец произнёс:

— Что же, я загадал вопрос. Прошу, монна-Дамиана-Винченца-Росси, блесните предвидением.

Миа не сводила с него глаз, но смотрела и не видела. Кажется, даже когда сикарио герцога Ногарола разбили её витраж, она не была так зла, как в этот момент. А может, это просто вся её злость на всех патрициев разом собралась сейчас в гостиной и сосредоточилась на этом красивом холёном лице. Воздух внезапно вспыхнул, засиял серебром и стал наполняться дымкой. Мир дрогнул и поплыл, размывая границы реальности и позволяя увидеть то, что остальным недоступно.

Злость наполнила ноздри сладким запахом магнолий, и Светлейшая сбросила покрывало...

...Храм наполнен людьми. Парадные одежды, шёлк, пар-

ча, бархат, все скамьи заняты... Ароматы благовоний и дорогих духов наполняют пространство вокруг. Купол над головой подпирают мраморные колонны, и мадонны в голубых одеждах устало взирают с фресок на потолке. В храме слишком душно, и, кажется, что воздух совсем застыл. Опахала вееров опускаются медленно, и люди неспешно переищёптываются. Лепестки цветов устилают проход между скамьями...

Миа видит фату. Длинную узорную фату, вышитую золотой нитью и украшенную по краю крупным розовым жемчугом. Фата такая тяжёлая, что на голове невесты её удерживает специальная диадема, украшенная драгоценными камнями. Фата, по обычаю, подарок жениха. Это признак его статуса и богатства, и эта фата буквально кричит о том, что жених просто неприлично богат. Шесть девочек, похожих на ангелочков, в белых платьях и венках, несут фату за невестой. Не будь их, она, наверное, и шагу не смогла бы сделать, придавленная тяжестью этого расшитого покрывала.

Миа смотрит откуда-то сзади на спины сидящих на скамьях, спины жениха и невесты. И видит только одно лицо – лицо мужчины, который стоит вполоборота справа, со стороны жениха, с лицом, блее этой фаты. Это маэстро Л'Омбре. В чёрном атласном фраке, с цветком флёрдоранжа в петлице...

Он моложе, чем сейчас, и на его лице нет нынешней маски

презрения, которая от времени будто срослась с его кожей. На его лице маска напускного безразличия, удерживать которую ему стоит огромных усилий. Его рука сжата в кулак до белизны в костяшках. И Миа ощущает то, что находится внутри этого кулака.

Кольцо. Помолвочное кольцо...

Миа чувствует сожаление, гнев, разочарование и обиду. И только один вопрос, который звучит в его голове – почему?

Почему?! Почему она поступает с ним так?!

И он знает ответ. Ответ въётся золотым узором по этой фате. Блестит розовым перламутром на жемчужинах, на сотнях жемчужин...

До сегодняшнего дня Светлейшая не посылала Дамиане настолько ярких видений. Со звуками, запахами, чувствами... С болью в сердце и в пальцах, которые сжимают треклятое кольцо так, что оправка камня врезается в ладонь до крови. У Димианы кружится голова, и боль начинает стучаться в переносицу всё отчётливее. Она закрывает глаза, чтобы не вглядываться в эту фату и в это лицо, больше похожее на маску.

– Вы выбросили его в канал... Ваш вопрос... про кольцо... куда вы его дели. Вы выбросили кольцо в канал, – прошептала она, открывая глаза, и посмотрела снизу вверх на маэстро Л'Омбре.

Никогда ещё она не видела столько ненависти, сконцентрированной в одном взгляде. И, кажется, в этот момент ли-

цо маэстро Л'Омбре достигло пика своей бледности. Он посмотрел на Лоренцо, но даже у того с лица исчезла усмешка.

– Лоренцо, это вообще не смешно, – глухо произнёс маэстро. – Это низко...

Но, что он сказал дальше, Дамиана не услышала. Закружилась голова, стеклянный шар начал двоиться, троиться и вскоре совсем исчез в темноте. А вместе с ним и весь мир.

Когда она открыла глаза, то увидела склонившееся над ней лицо пожилой женщины, которая усиленно махала полотенцем, пытаясь привести её в чувство.

– О, Мадонна! Очнулись – и слава богу! – пробормотала она, помогая ей сесть поудобнее и протягивая бокал с водой. – Вот, выпейте.

И Миа почему-то подумала, что эта строгая женщина в необъятном крахмальном переднике и с косами, уложенными на голове короной, и есть монна Джованна, чьи чайные пары ей предлагал посчитать маэстро Л'Омбре. Миа взяла бокал, но едва смогла удержать его, расплескав половину воды – пальцы дрожали, а перед глазами всё ещё плясали разноцветные пятна.

Такое с ней иногда случалось, когда видения Светлейшей бывали особенно яркими. В такие моменты они отнимали все её силы, и, бывало, доходило до обморока. Не в состоянии совладать с бокалом, Миа поставила его на столик и торопливо достала из кармана пару кусочков сахара, которые

всегда носила с собой для таких случаев.

– Вы в порядке? – озабоченно спросил синьор Лоренцо, подходя ближе.

– Да, спасибо. Сейчас станет легче. Это всё... – она неопределённо махнула рукой и отправила сахар в рот, – требует усилий.

– Монна Джованна, предложите нашей гостье чай или кофе и принесите бисквиты и печенье, – распорядился синьор Лоренцо, – а мы пока побеседуем с Райно... наедине.

Последнее слово он произнёс с особым выражением.

Братья ушли, но Миа была этому только рада. Ей стало стыдно за свой внезапный обморок перед ними. А ещё... страшно. Очень, очень страшно. Ведь то, что она сообщила синьору Лоренцо в своей лавке, и то, что увидела сейчас... И то, что, делая предсказание маэстро Л'Омбре, она, кажется, забыла посмотреть в шар. Только сейчас она осознала, чем всё это может закончиться.

Эти люди могущественны и очень опасны. У них наверняка есть какие-то тайны, которых она может коснуться невзначай, вот так, как сегодня, как сейчас, а завтра её найдут в канале с перерезанным горлом или не найдут вовсе. Просто чтобы не сболтнула лишнего. Кто там будет искать какую-то гадалку-цверру!

О, Светлейшая! Зачем же она была так безрассудна! Зачем сказала правду! Эти шестьсот дукатов могут стоить ей жизни!

Миа снова вспомнила красноречивый взгляд маэстро Л'Омбре, полный холодной ненависти, и поёжилась. Она так хотела доказать, что никакая она не шарлатанка, что совсем забыла об осторожности. А ведь мать учила её тому, что клиентам нельзя говорить всей правды. Клиентам нужно говорить лишь то, что они хотят услышать. Искусно смешивать ложь и правду, и правды нужно добавлять совсем чуть-чуть. А вот ложь...

Ложь должна быть правдоподобной и трудно проверяемой.

А таким клиентам, как Скалигеры, так лучше бы вообще ничего не говорить. Наверное...

Может, стоит встать и убраться отсюда восвояси? Вот только куда бежать? С одной стороны – герцог Ногарола и его бульдоги, с другой – Гвидо Орсо, которому она теперь должна денег! А с третьей – братья Скалигеры, в чьи тайны она так опрометчиво сунула нос! О-ля-ля, птичка, клетка уже почти захлопнулась!

Как ни крути, всё было плохо. Но герцог Ногарола и Гвидо Орсо хоть и были опасны, но не прямо сейчас, и не здесь. А вот братья Скалигеры могли отправить её на корм рыбам в лагуне уже сегодня. Так что всё же стоило сбежать, пока не поздно.

Она покосилась на дворецкого, замершего статуей у порога, и подумала, что мимо него она как-нибудь прошмыгнёт. Но двери распахнулись, впуская братьев, и о побеге при-

шлось забыть.

Миа готова была поклясться, что они снова повздорили, но, судя по лицам, их размолвка закончилась не в пользу маэстро Л'Омбре, потому что он вернулся ещё более мрачным и молчаливым. Зато Лоренцо казался теперь совсем довольным.

За ними следом появилась монна Джованна, а позади неё служанка с необъятным подносом, на котором стоял кофейник, чашки с блюдами из тончайшего фарфора с позолотой и корзинки со сладостями: миниатюрные бисквиты, кексы, печенье и шоколад.

– Угощайтесь, монна Росси. Вижу, что вам уже лучше, так, может, сразу и приступим? И вы помните, мы договорились, что всё, сказанное в этих стенах – остаётся в этих стенах? – последние слова Лоренцо произнёс жёстко и уселся в кресло напротив. – Кивните, что вы меня поняли.

О, она помнила! Лоренцо ещё по дороге сюда дал понять, что болтливость может стоить ей жизни. Она кивнула, беря чашку кофе из рук служанки. Маэстро тоже взял чашку, а Лоренцо нетерпеливо отмахнулся и добавил, обращаясь к Дамиане:

– Итак, меня интересуют мёртвые «бабочки». Посмотрите в ваш шар и скажите что-нибудь о них. В первую очередь, меня интересует, кто убийца. А во вторую, зачем он это делает. Ну, или всё, что удастся там разглядеть.

– Синьор делла Скала... При всём уважении, но... это так

не работает, я ведь объясняла уже, – Миа пожала плечами. – Чтобы сказать что-то определённое, мне нужна хотя бы какая-нибудь вещь, принадлежавшая одной из... девушек.

– Вещь? – глухо переспросил маэстро Л'Омбре, который возвышался посреди гостиной, как мраморное изваяние, и добавил снисходительно: – Это вряд ли. Если вы не в курсе – они были полностью голые.

– Ну, или я должна видеть этого человека, вот как вас...

– Они все мертвы. Но мы можем прогуляться в склеп или к доктору Феличе в морг, – в голосе маэстро прозвучала уже явная насмешка.

– А место, где их убили? Я могу там побывать? – осторожно спросила Миа. – Мне нужны какие-то подробности.

– Мы пока не знаем, где их убили, – ответил Лоренцо. – Известно лишь, куда их привезли на лодке уже мёртвыми. Но вы можете там побывать. А ещё у Райно есть рисунки, может быть, они вам помогут, монна Росси. Райно вам их покажет. И я очень надеюсь, что вы плодотворно проведёте этот день вместе. Сообщите мне, как будет что-то новое.

Синьор делла Скала встал и, не прощаясь, ушёл. Монна Джованна и мессер Оттавио поспешили за ним, аккуратно притворив за собой двери, и в комнате Миа и маэстро Л'Омбре внезапно остались вдвоём.

– А теперь давайте кое-что проясним, – маэстро резко повернулся к ней и впился пронзительным взглядом, от которого у Дамианы даже кожа покрылась мурашками. – Что бы

там ни говорил мой брат, я не нуждаюсь в ваших услугах, монна Росси, и не нуждаюсь в ваших предсказаниях. Так что не тратьте попусту моё время и покиньте этот дом. Мессер Оттавио распорядится, чтобы вас отвезли.

– Я не меньше вашего не нуждаюсь в том, чтобы торчать в неприятном обществе чванливых патрициев, и не навязываю своих услуг, – парировала Миа, вставая, чтобы не смотреть на него снизу вверх, и добавила жёстко: – И, если вы в них не нуждаетесь, то прямо сейчас скажите об этом синьору Лоренцо делла Скала, моему нанимателю. Пусть он выставит меня за порог, и, как говорится, чао востро! Это же в ваших силах?

Маэстро Л'Омбре шагнул ей навстречу и, чуть понизив голос, спросил:

– Сколько денег он вам обещал? Ну же, говорите. Хотите, я дам вам вдвое больше? Втрое? Какая сумма приходит вам на ум? Просто назовите её. Я отдам вам деньги, и вы уйдёте отсюда раз и навсегда. А моему брату скажете, что подслушали разговор обо мне и о том кольце от... кухарки на рынке и пересказали это здесь, и что вы и в самом деле шарлатанка.

Ей стоило бы помнить об осторожности, наступить на горло своей гордости и воспользоваться предложением. Стоило взять деньги прямо сейчас и действительно уйти. Втрое больше – это же просто огромная куча денег! Она же сама хотела сбежать отсюда. И это было глупо – отказываться от такого предложения, но...

Признать себя шарлатанкой? Да ни за что! Только не теперь!

И гордость победила.

– Ваш брат предложил мне шестьсот дукатов, – Миа усмехнулась и вздёрнула подбородок. – А условия нашего договора я разглашать не могу. Но даже если вы предложите мне втрое больше, я не возьму ваших денег, хоть вы и считаете меня «шарлатанкой с самого дна Альбиции». Вот ваших-то денег я точно не возьму.

– Ну надо же! – кажется, он удивился, посмотрел на неё с прищуром, а потом усмехнулся недобро. – Обиделись? Ну что же, привыкайте. У меня несносный характер, сомневаюсь, что вы выдержите две недели рядом со мной. Так что вы ещё пожалеете, что не взяли деньги, когда сбежите отсюда.

– Вы полагаете, я сбегу первой? – Миа скрестила руки на груди.

– Я в этом уверен. Но раз моему брату так сильно хочется, чтобы вы ходили за мной по пятам – извольте, я потерплю пару дней. Только давайте сразу договоримся о простых правилах: вы не лезете ко мне с вашими предсказаниями, не суёте нос не в своё дело и держитесь от меня не меньше, чем в трёх шагах. Вы ничего не трогаете, и стараетесь занимать как можно меньше места. Лоренцо считает, что нужно поселить вас здесь на две недели, чтобы вы были всегда под рукой. Я считаю, что это глупая затея, но раз уж так вышло, и для чистоты эксперимента... у нас есть свободная комната за

буфетной, я велю монне Джованне постелить вам там, — он говорил надменно, холодно и строго, глядя на Дамиану свысока, словно каменная статуя сфинкса. — Пользуйтесь входом для слуг, мойте руки с мылом и не забудьте, что наш дворецкий и экономка присматривают за всем. Надеюсь, им не придётся переживать о сохранности столового серебра?

Никогда ещё Дамиана не слышала столь унижительной отповеди. Что бы там ни говорили о цверрах, но они народ вольный, и терпеть унижения без права ответить было не в их привычках. И хотя её мать не была цверрой по рождению, но свободолюбивый дух водных кочевников она впитала кожей и передала его дочери по наследству. И из Дамианы этот дух не удалось выбить даже святым сёстрам с их розгами, молебнами и проповедями о послушании.

Поэтому от слов маэстро Дамиана вспыхнула, как спичка, не понимая, почему сегодня она злится так сильно, ведь презрение патрициев было для неё не в новинку.

Он думает, что она станет красть их столовое серебро?!
— О-ля-ля! Маэстро Л'Омбре, какая прекрасная речь! Но вы ошиблись в главном! Поскольку это синьор Лоренцо меня нанял, а не я навязалась вам, то это у меня будет несколько условий! Я буду делать то, что хочу, и говорить то, что посчитаю нужным. Приходить, когда захочу, и уходить тоже, и дверь я выберу сама. Мне без надобности ваша комната за буфетной, но, если вы будете уж очень настаивать, то я люблю мягкий матрас и апельсиновое мыло, так что потру-

дитесь, чтобы оно было. И если вы думаете изводить меня вашими придирками, чтобы я сбежала – даже не надейтесь! Хотя вы, конечно, можете подкинуть мне пару серебряных ложек, а потом обвинить меня в краже. С патрициев станется! – выпалила она, размахивая руками.

– Подкинуть вам серебряные ложки?! – левая бровь маэстро удивлённо взметнулась вверх. – Ну не стоит мерить всех своей меркой, монна Росси.

– Не стоит судить о предполагаемых поступках людей по себе, маэстро Л'Омбре! – парировала Миа. – Две недели, маэстро Л'Омбре – и я забуду вас, как страшный сон. Ну, это, если вы не выставите меня первым и не проиграете своему брату, что вы там ему обещали...

– Вы ещё и подслушивали наш разговор? – маэстро прищурился и снова перешёл на холодный официальный тон.

– Ещё чего! – фыркнула она. – Стоило бы говорить потише, а то вас слышали, кажется, даже гондольеры на канале!

– Я не собираюсь вас выставлять, мне просто жаль впустую тратить время. Потому что одно попадание не делает из вас меткого стрелка. Посмотрим, что вы предскажете в следующий раз. А до этого момента, монна-Дамиана-Винченца-Росси, я продолжу думать о вас по своему усмотрению.

– Тогда и я продолжу думать о вас по своему, – ответила она ему в тон.

– И что же вы можете обо мне думать? Даже любопытно!

– Я думаю, что вы напыщенный сушёный стручок ванили!

Такой же дорогой, сморщенный и приторный. Как, впрочем, и все патриции! И мои условия таковы: не вы меня нанимали, не вам меня выгонять. Но, если у вас не хватает духу дать отпор старшему братишке, то имейте достоинство терпеть меня две недели! – воскликнула Миа и тут же подумала, что это ей дорого обойдётся.

Потому что маэстро Л'Омбре посмотрел на неё так, словно собрался наколоть на булавку и засушить между книжными листами. Или поместить в стеклянную колбу. И от этого холодок нехорошего предчувствия пробежал по спине. Тут же вспомнилось то, что она нагадала сама себе, и это только усугубило ощущение грядущих неприятностей.

Наверное, ей всё-таки стоит сделать всё возможное, чтобы он поскорее отправил её прочь. Вывести его из себя, но как-нибудь без кражи серебряных ложек. А ещё стоит изображать из себя дурочку, чтобы он не подумал, что она и правда может узнать какие-то страшные семейные тайны. Возможно, тогда всё и обойдётся. Но при этом нельзя выглядеть шарлатанкой, а то Лоренцо делла Скала не заплатит ей обещанного...

Осталось только придумать, как всё это совместить.

– Ну что же... посмотрим, на сколько вас хватит, монна Росси. И раз мы всё прояснили, то не будем терять времени, прошу, – маэстро сделал жест рукой и открыл дверь, ведущую из гостиной в кабинет. – Вы хотели подробностей – вот они.

Миа надела сумку на плечо и, взяв в руки чашку с кофе, шагнула в распахнутую дверь.

Глава 5. Наблюдательность или предвидение?

Большой светлый кабинет с окнами, выходящими на канал, был заставлен шкафами и шкафчиками, завален книгами и странными предметами, названия которых, как и предназначение, Миа не знала. Стекланные колбы и сосуды, коробки и свёрнутые карты, заспиртованные уродцы в банках – чего только не было в этой комнате!

Огромный стол из орехового дерева располагался между высоких окон, а рядом стояли ещё бюро-конторка и секретер. И повсюду бумаги, чертежи, записи и зарисовки...

Массивное кресло, обтянутое тёмной кожей – для хозяйки, и в пару ему ещё два поменьше – для гостей. Миа обвела кабинет взглядом и подумала, что если всё это вокруг принадлежит маэстро Л'Омбре, то, наверное, он и правда очень умный. Хотя некоторая часть предметов, вроде колб с заспиртованными ящерицами или набора хирургических инструментов, её испугала. Каким бы умным ни был человек, зачем хранить у себя подобные вещи? А тем более странно, когда они принадлежат не маэстро медицины, а патрицию.

Справа от стола, на стене, Миа увидела красочную фреску. Она занимала всё пространство от пола до потолка, и на ней была мастерски изображена карта Аква Альбиции со

всеми хитросплетениями переулков, улиц, каналов и мостов. Вот главный Храм и Дворец Дожей, кампанилла Сан-Паоло и Монетный двор, базилика делла Салюте, мосты через Дворцовый канал и волнорез у входа в лагуну. Всё такое выпуклое и яркое, раскрашенное разноцветными красками. И даже разделение на сестеры – городские районы – было выполнено в разных цветах. Богатые сестеры – зелёным, а бедные – оранжевым, будто предупреждая ярким цветом: сюда лучше не соваться.

Эта фреска была не просто картой, а целым произведением искусства. Маленькие фигурки торговков на рынках, гондолы, плывущие по каналам, Миа разглядела даже лодки цверров с красно-жёлтыми палатками. Все эти детали делали карту объёмной и почти живой.

А поверх карты тончайшими булавками были приколоты бумажки с рисунками, которые, очевидно, сделал маэстро Л'Омбре. И при взгляде на них Миа почувствовала, как по спине снова пробежал холодок. Рисунки показались ей слишком уж реалистичными.

Девушки с крыльями, изображённые на рисунках, были похожи на спящих фей или на статуи скорбящих ангелов, украшающие обычно вход в склеп. Рядом с каждой висело несколько записок, и от одной булавки к другой тянулись красные шёлковые нити, на которых тоже висели записки. И всё это вместе напоминало какую-то страшную паутину.

Картина была одновременно завораживающей и жуткова-

той, и Миа, не задумываясь, произнесла первое, что пришло в голову:

– О-ля-ля, Святая Лючия! Глядя на это, я бы подумала, что это вы их всех и убили!

Маэстро обернулся и посмотрел недоумённо сначала на фреску, а потом на Дамиану, и спросил:

– И с чего вдруг такой вывод?

– Всё это, – она поставила чашку с кофе на край стола и махнула рукой в сторону фрески, – похоже на какой-то жуткий план или гербарий! Будто это вы собираете мёртвых бабочек. Или на паутину, в которую они попали, только паука пока что не видно.

Сказала и внезапно подумала, что вот он и паук – стоит и смотрит на неё с ненавистью и презрением, и нацепил бы и её на свою паутину, как этих несчастных, да только не может. Или... пока не может.

И от этих мыслей ей стало совсем уж не по себе. С чего бы это ей такое подумалось?

Маэстро же ничего не ответил на её слова, лишь прищурился, взглянув на Дамиану, а потом на фреску, сел в кресло и закинул ногу на ногу.

– Прошу, монна Росси, – наконец произнёс он, небрежно указав рукой на рисунки, – всё на этой стене. Удивите меня. Блесните предвидением. Четыре девушки, четыре площади, крылья, цветы, полночь. Их всех привезли на лодке и оставили на камнях у воды. Одежду забрали, усыпали лепестка-

ми. И никто ничего не видел и не слышал. А теперь посмотрите в ваш шар и скажите хоть что-нибудь... внятное или хоть сколько-нибудь полезное.

Миа пропустила едкий сарказм последней фразы и подошла к фреске.

Так значит их было четыре, а не три! Какой ужас!

Злость понемногу утихла, и теперь Светлейшая окончательно замолчала. Сегодня Миа и так увидела слишком много, вряд ли на неё снова снизойдёт озарение. А жаль. Было бы приятно утереть нос высокомерному маэстро! А заодно и остановить того ненормального, который всё это делает. Но увы, теперь она смотрела на рисунки и видела лишь то... что маэстро Л'Омбре прекрасный художник. Его карандаш был безупречен, и правдоподобность изображённых девушек завораживала и пугала.

Миа окинула взглядом бумажки, приколотые вокруг каждого рисунка, и попыталась прочесть написанные на них заметки, но не смогла. Насколько хорошо маэстро рисовал, настолько неразборчивым оказался его почерк.

– А что здесь написано? – спросила она, указав на один из клочков бумаги.

– Понадобились подсказки? – переплетя пальцы, довольно усмехнулся маэстро, словно ожидал от неё этого замешательства. – Обычный приём шарлатанов – понаблюдать за клиентом, узнать побольше, а потом выдать эти знания за глас божий. Не так ли, монна-Дамиана-Винченца-Росси?

Миа почувствовала, как в ней снова поднимается глухое раздражение, потому что отчасти... Отчасти он был прав. Это и правда приём шарлатанов. И она сама не раз им пользовалась. Но не сегодня! И поэтому стало даже как-то... обидно.

А не шли бы вы к Зелёной деве, маэстро!

Но Миа сдержала свой гнев и не ответила, сделав вид, что увлечена рисунками. Она долго вглядывалась в одну из заметок, пока наконец не разобрала: «Тело ориентировано головой на северо-запад», а возле рисунка другой девушки такую же заметку, только про юго-восток.

– Это имеет значение? То, как лежала... э-м-м... лежало тело? – спросила она, снова ощутив холодок на коже.

Что-то неприятное было во всём этом. Будто, глядя на эти рисунки, всматриваешься в мутную воду лагуны у острова Джанджорно, а там, как говорил дедуля Козимо, водятся чудовища. И ты их не видишь, но они видят тебя и лишь ждут, пока ты зазеваешься.

Конечно, на рынке торговли судачили о том, что какой-то ненормальный убил двух путан, но что в этом такого удивительного? На рива дель Лавадоре такие вещи случаются слишком часто. Но до этого момента Миа и подумать не могла, что девушек уже четверо. И теперь ясно, что не все они путаны. А то, что тела выкладывали на площадях в полночь и осыпали лепестками... вот это было уж совсем жутко.

И история об убийстве пары путан, возможно, обворо-

вавших кого-то своих клиентов или заразивших нехорошей болезнью, внезапно превратилась в нечто мрачное и неподвластное обычной логике.

– А цверра, оказывается, умеет читать?! Это даже любопытно, – произнёс маэстро с какой-то нотой удивления, рывком поднялся из кресла, подошёл и встал рядом. – Скажите, умение читать позволяет выманивать у клиентов больше денег?

– Ваша неприязнь ко мне выглядит странно, маэстро Л'Омбре, и все ваши высказывания и подозрения насчёт... блох и воровства тоже. Особенно учитывая то, что в отличие от вас, я ни слова не сказала о блохах или крысах, обитающих в некоторых палаццо, в которых живут патриции, – ответила она подчёркнуто спокойно, продолжая разглядывать рисунки.

– А вы бывали во многих палаццо? – услышала она вопрос с лёгким оттенком презрения.

– Бывала.

– Боюсь даже предположить, в каком качестве...

– Боюсь, вы меня совсем не знаете...

– Я знаю таких, как вы... Шарлатанок, которые бродят от дома к дому и дурят богатых старух, вроде тёти Перуджио. Не надейтесь, что со мной вы сможете проделать тот же фокус.

– Таких, как я? – Миа презрительно фыркнула и бросила на него косой взгляд. – Да вы ничего обо мне не знаете!

– Не знаю таких, как вы? Но в вас нет ничего особенного. Достаточно просто понаблюдать за вами немного, чтобы рассказать всю вашу историю от самого рождения, – маэстро скрестил на груди руки, давая всем своим видом понять, что она для него открытая книга.

– О-ля-ля! Так теперь вы взялись за предсказания? Что же, удивите меня маэстро! – воскликнула она, не сводя взгляда с карты. – Блесните предвидением.

– Было бы чем. Ваша история такая же, как и весь ваш наряд. Родились в лодке. Побирались, как и все цверры. Воровали, что плохо лежит в богатых домах – отсюда и ваши знания об их жителях. Вы спите в лавке, где торгуют специями... Запах специй... Тут, кажется, всё им пропиталось! Дешёвые духи... Волосы, крашенные конской мочой...

Миа повернулась резко и положила руки на бёдра, как любят делать цверры, когда хотят отправить подальше навязчивого клиента.

– Из нас двоих уж явно вы больший шарлатан, маэстро Л'Омбре! Расспросили брата о том, где он меня нашел, и выдаёте это теперь за вашу наблюдательность? Запах специй! О-ля-ля! Как неожиданно! С такой наблюдательностью, маэстро, не удивительно, что вы всё ещё не нашли убийцу этих несчастных! Я родилась вовсе не в лодке, и цвет волос у меня такой от рождения! Как и у моей матери!

– А у цверры, кроме профессиональной гордости и умения читать, оказывается, ещё и строптивый нрав? – усмех-

нулся маэстро, явно наслаждаясь тем, что ему удалось её разозлить. – Позвольте спросить, откуда у девицы с самого дна Альбиции волосы настоящей патрицианки?

– Вы же у нас тут сыщик, маэстро. Вы и скажите! – парировала она в ответ.

И они замерли, друг против друга, пылая каждый своим гневом, и некоторое время смотрели, не отводя глаз, словно пытаясь разглядеть в лицах что-то скрытое. Первым отступил маэстро, сунул руки в карманы, прищурился и произнёс уже спокойнее:

– Ну так что там с предвидением? Или на сегодня милость вашей богини исчерпала себя? Может, скажете уже что-то по делу?

Миа думала, что сегодня видений уже не будет. Но в этот раз злость накатила внезапно, и покрывало мира сдёрнуло яркой вспышкой. Всё внутри скрутило так сильно, что пришлось даже зажмуриться.

Разноцветные лодки толкуются на Гранд-канале. Музыка, крики, смех, и вся набережная усыпана конфетти и крашеным сахаром. Мимо Дворца Дожей по воде движется большое карнавальное шествие. Каждая лодка – произведение искусства, украшенное шёлковым балдахином и фигурами из папье-маше. Ангелы, морские чудовища, лебеди, голубки, ленты, перья, серпантин...

Карнавальные костюмы повсюду, и от просто них рябит в глазах. И маски, маски, маски... Баута, Коломбина, Арле-

кин – город словно сошёл с ума.

Яркий всполох – и вверх летят пылающие звёзды. Над площадью парит большой крылатый лев – символ Альбиции. Карнавал близится к концу, и небо взрывается огромным фейерверком, похожим на огненный букет. В этом шуме и вспышках теряются языки пламени на тёмной воде. Почти никто не слышит другого взрыва, гораздо более слабого, и не видит, как лодка разламывается пополам, горит и тонет.

А дальше темнота...

И вот уже мессер Оттавио что-то кричит и машет руками, и у пирса возле палаццо Скалигеров из лодки выносят тело мужчины. Мужчина в чёрном атласном фраке, и на шее у него болтается маска. Его кладут прямо на набережную, и Миа видит, что это маэстро Л'Омбре. Он в беспмятстве, а на белой рубашке отчётливо проступают следы крови.

Над ним склоняется мессер Оттавио и пытается приветствовать его в чувство.

Миа резко открыла глаза, прогоняя видение.

Что это было?!

Что-то из прошлого маэстро Л'Омбре, судя по тому, что дворецкий был ещё не стар.

О, Серениссима! Вот этого ей точно не нужно! Не хочет она видеть его прошлое, зачем оно ей? И зачем оно ей сейчас?! Лучшие бы что-то об этих несчастных «бабочках»!

Но видения Светлейшей приходят сами, не спрашивая желаний. Увидеть что-то по собственному желанию нельзя. Правда её мать как-то рассказывала о том, что бывает и такой дар, но он очень опасен. И хотя Миа не знала, в чём эта опасность заключается, но сейчас подумалось, что такой бы дар ей сейчас пригодился, потому что маэстро сверлил её внимательным взглядом и нужно было что-то отвечать.

Она отвернулась, взяла из глиняной плоски тончайшие булавки с зелёными головками и с силой воткнула в четырёх местах во фреску.

Ему нужно предвидение? За неимением лучшего сойдёт и наблюдательность!

– Ну, а если по делу, маэстро... Так вот. Четыре девушки, четыре площади. Кампо Делиси, кампо Вьехо, кампо Тильберо и пьяцца Романа. Видимо, вы не бывали там посреди ночи, потому что иначе заметили бы кое-что... Если этих несчастных, как вы говорите, привезли на лодке в полночь, – она взяла ещё булавок, но теперь уже с красными головками, и воткнула во фреску ещё в нескольких местах, – вот здесь, здесь и здесь под покровом ночи легко пройдёт хоть гондола, хоть маскарета, и никто ничего не увидит. Достаточно просто погасить носовой фонарь. Вот здесь и здесь, – она указала пальцами на булавки, – это сделать не так уж и легко. Будки констеблей прямо у воды, а на канале узко и светло. А вот здесь... пожалуй, что и совсем невозможно, – она говорила, размахивая руками перед картой и не оборачиваясь, –

здесь слишком светло. И смотрите: с одной стороны Дворцовый канал с его фонарями, – она ткнула пальцем в красную точку, – вот тут стоит будка констебля, и каждую лодку, идущую по каналу вверх, после заката проверяют, да и пустят не всякого. А здесь – окна палаццо Фаризи. Тут патриции кутят до утра с куртизанками, и на террасе с видом на канал сидят люди, бегают слуги, и гондольеры дремлют, ожидая своих господ. Здесь никто не провезёт тело незамеченным, да и не сунется никто в своё-то уме. С этой стороны – другая будка констебля и тоже фонари. А с этой стороны, на углу рива дель Верита, у синьора Криченцо живут три огромных мастифа, которых он выпускает на ночь на террасу к воде, и мимо которых даже крыса не проскользнёт, чтобы её не облаяли. Уж точно никто не станет раскладывать мёртвых девушек на площади прямо наискосок от этих собак, потому что лают они, как проклятые, на каждую лодку, и тогда синьор Криченцо выходит на канал пострелять. И, если собаки лаяли, кто-то должен был их услышать и всё это увидеть, а если не лаяли, то почему не лаяли? И, если синьор Криченцо никого не убил в ту ночь, то, значит, никого и не было. Даю пять дукатов, что никто в своём уме не повел бы тут лодку ночью. А значит, что-то вы напутали про лодку и первую девушку. Тот, кто это сделал, скорее всего, пришёл и ушёл через соттопортико²⁴, вот здесь...

Она говорила горячо и быстро и размахивала руками, гля-

²⁴ Соттопортико – (итал. Sottoportico) – узкий проход между домами.

дя на пёструю сетку каналов, а когда обернулась, то замерла на полуслове, натолкнувшись на странный взгляд маэстро Л'Омбре. Он снова смотрел на неё как на какой-то редкий экземпляр насекомого – с интересом и опаской. Помнится, на Рыбном рынке вот так же все разглядывали неведомую морскую тварь, которую однажды вытащил из сетей дедуля Козимо.

– Однако какие глубокие познания ночной жизни, – произнёс маэстро с какой-то странной интонацией и перевёл взгляд на карту. – Интересно, откуда?

– Я хоть и не родилась в лодке, но достаточно провела времени на воде, чтобы в этом разбираться. Я знаю в этом городе каждый канал, – ответила Миа, пожав плечами. – Цверры бы никогда не повезли на пятачок Романа что-нибудь... незаконное посреди ночи. А уж мёртвую девушку! Никто не захочет нарваться на обыск и арест. Констебли там уж точно не дремлют. Так что вы уточнили бы про первую девушку...

– И как бы цверры провезли сюда что-то незаконное? – спросил маэстро, подойдя к карте и разглядывая Дамиану с прищуром.

– Никак, – снова пожала она плечами и усмехнулась, – цверры ничего такого не возят. Цверры соблюдают законы Альбиции.

– И в самом деле, – понимающе усмехнулся в ответ маэстро и посмотрел на карту.

А Миа отвернулась. Не станет она распространяться тут о

том, что и как делают её сородичи.

– Хорошо, поставим вопрос иначе. Предположим, если бы цверры возили что-то незаконное, как бы они попали на пьядца Романа посреди ночи? – маэстро повернулся и впился взглядом в лицо Мии.

Он смотрел так серьёзно, что весь её боевой запал как ветром сдуло. Она уже заметила, что у маэстро временами бывает такой немигающий взгляд, будто он видит тебя насквозь, и от этого взгляда даже кожа на пятках холодеет. И вот сейчас он смотрел на неё именно так, отчего ей стало не по себе.

Чего это она так разоткровенничалась перед ним?! Миа, Миа, держала бы ты язык за зубами!

– Ну не знаю! Если бы, да кабы... Ну принесли через сотопортико в паланкине²⁵ или в мешке, – она повернулась к карте и ткнула пальцем в один из каналов, – вот здесь, на рива Спецъери, можно было переложить девушку из лодки в паланкин и пронести между домами. Там темно, хоть глаз коли, и глухие стены без окон. В одном месте есть запертая калитка, но ключ ведь подобрать проще, чем плыть на глазах у всех ночных констеблей. Там же, недалеко на Спецъери, и ключник сидит, прямо на углу. Я бы сделала так.

И, чтобы снова не встречаться с пронизывающим взглядом маэстро, она подошла к столу, присела на край и взяла

²⁵ Паланкин – крытые носилки, средство передвижения, кресла или кузов, (обычно) на двух жердях. Средство передвижения в виде укреплённого на длинных шестах крытого кресла или ложа, переносимого носильщиками.

свою чашку. Кофе уже остыл, но ей нужно было чем-то занять руки.

Какое-то время в комнате висела тишина, а затем маэстро спросил, обернувшись:

– Так что, предвидения не будет? Всё, что я услышал, пока не более, чем теория и наблюдательность, основанная на... – он сделал паузу, окинув Дамиану двусмысленным взглядом, – определённом образе жизни. И будьте так любезны, слезьте со стола. Не люблю, когда на моей утренней газете сидят... посторонние.

– Ах да! А не то монне Джованне придётся мыть с мылом и ваш стол, и вашу газету! – воскликнула Дамиана, качнула несколько раз чашкой, размазывая по стенкам кофейную гущу, и перевернула её в блюдце. – Хотите ещё предвидения? Будет вам предвидение!

Она перевернула чашку, взглянула на разводы коричневой жижи и, поцокав языком, воскликнула, как настоящая гадалка на площади:

– О-ля-ля, синьор! Сегодня у вас будет неудачный день! Очень неудачный! Вы хотели пойти в какое-то людное место, но ваши туфли придут в негодность. Как и сапоги. Как и ещё одни туфли! Какая жалость! Поэтому никуда вы не пойдёте. А ещё вы ожидаете какую-то книгу... Ясно вижу – очень ценную книгу! Но вот тоже неудача, вижу мужчину в зелёном... Большого мужчину... Ах да, это же ваш дворецкий! И животное... да точно... крысу? Ах, нет! Кошку... Нет, со-

баку. Точно – это собака. Две собаки. Две маленьких собаки. Так что вот, синьор, вас ждёт неудачный день из-за собак. Такое вот вам моё предсказание.

Миа спрыгнула со стола, подхватила сумку и, достав из неё яблоко, надкусила с хрустом и направилась к выходу. Уже в дверях обернулась и добавила:

– А знаете что? Хватит с меня предвидения на сегодня. Арриведерчи, маэстро Л'Омбре! – и она хлопнула дверью ровно так, как хотела с самого своего прихода сюда.

Вазы, конечно, с постаментов не попадали, но гулкое эхо разнеслось по галерее палаццо и отразилось от расписных потолков. А Миа бросилась торопливо спускаться по лестнице, не чувствуя под собой ног. Прочь из этого места! Хватит с неё на сегодня не только предвидения, а вообще всего этого высокомерия!

«Наблюдательность, основанная на... определённом образе жизни!» Да чтоб вам упасть в канал! Это же надо так уметь оскорбить вежливым словом! Да чтоб у вас язык отсох! Чтоб Зелёная дева изваляла вас в тине! Тьфу! Чтоб вам пропасть, чванливый индюк!

Никогда она не чувствовала себя такой униженной. Пока ты живёшь в гетто среди своих, ты не ощущаешь, как сильно твой мир отличается от мира сестеры Карриджи или Дворцового канала. Пока ты неходишь во внутренний двор какого-нибудь богатого палаццо, ты не ощущаешь холода мостовых сквозь дырки в подошвах туфель. Пока ты проплы-

ваешь на лодке мимо богатых домов, ты смотришь на них всего лишь как на пряничные коробки, выставленные в кондитерской лавке. И только когда оказываешься лицом к лицу с кем-то вроде маэстро Л'Омбре, ты начинаешь ощущать себя полным ничтожеством.

Она вихрем пронеслась мимо растерянного дворецкого и служанки в крахмальном переднике и выскочила наружу. И уже на крыльце обернулась, топнула ногой и воскликнула, глядя на портик с колоннами, ведущий в палаццо Скалигеров:

– Да, маэстро, всё, что я знаю, основано на определённом образе жизни! Не всем удалось родиться с золотым ночным горшком в руке! И сундуком высокомерия под кроватью! Тьфу на вас!

Миа изо всех сил зашвырнула огрызок яблока в канал и зашагала вдоль набережной к мосту.

И даже если ей не заплатят, да плевать! Потом она, конечно, пожалеет об этом, но сейчас выдержать даже одну минуту в обществе заносчивого маэстро она оказалась не в силах.

Глава 6. Результаты наблюдательности

– Святой марангон! – пробормотал Райно, прислушиваясь к удаляющимся по лестнице торопливым шагам гадалки.

Он посмотрел на чашку с разводами кофейной жижи, на фреску с воткнутыми булавами и подумал о том, что по его стабильному упорядоченному миру только что прошла Большая вода, которую каждую весну нагоняет ветром из акватории Сан-Себастьян. Он ещё раз взглянул на карту и спешно вышел из кабинета, забыв даже прихватить с собой трость, и уже спускаясь по лестнице, вдруг снова ощутил стреляющую боль в колене. А ведь и не заметил, как она отступила, пока они спорили с гадалкой, но теперь вернулась снова – едва шагнул на вторую ступеньку.

– Проклятье! – пробормотал Райно и тут же схватился за перила.

Спустился, ощущая, как огненные гвозди вонзаются в ногу и лоб покрывается испариной, и, дойдя до гардеробной, крикнул зычно, так что голос отразился от высоких потолков центральной залы и достиг внутреннего двора:

– Оттавио?! Слышишь? Зови Пабло, мне срочно нужна лодка. И кликни Жильо, он плывёт со мной! Немедленно!

Мысль о том, что гадалка может оказаться права, жгла

его внутри калёным железом и требовала немедленно отправиться на пьядца Романа и обследовать ту самую калитку. Поднять каждый камень и убедиться, что цверра ошиблась.

Убийцы прошли через соттопортико? Мاستифы?! Да провалиться ему на месте, он ведь о таком и подумать не мог! Не может быть, чтобы она была права! Он ведь был уверен, что убийца приплыл по Рива дель Верита...

Мессер Оттавио появился из дверей гардеробной с лицом растерянным и красным, держа одной рукой туфли Райнере, а другой за шкурку щенка сегуджио²⁶ светло-палевого окраса.

– Простите, синьор, – пробормотал смущённо дворецкий.

И Райнере мысленно выругался, глядя на туфли в его руках и уже догадавшись, о чём пойдёт речь. Двух щенков сегуджио сегодня прислали в подарок для Лоренцо.

– Я оставил их всего-то на мгновенье, синьор! Посыльный только прибыл... Простите, синьор Райнере! Я провожал синьора Лоренцо... О, Мадонна! – принялся извиняться пожилой слуга. – А эти негодники, простите, синьор Райнере...

Райно заглянул в гардеробную и увидел изодранные листы книги, разбросанные по полу, и лужу, сделанную прямо там, где стояла его обувь, и сразу же вспомнил:

«О-ля-ля, синьор! Сегодня у вас будет неудачный день! Неудачный день из-за собак!»

²⁶ Сегуджио итальяно – итальянская гончая. Сегуджио был очень популярен среди представителей высшего общества в эпоху Возрождения.

– Н-да, Лоренцо, видимо, ты смерти моей хочешь, – про-
бормотал Райно, глядя на разгром в гардеробной и щенков,
весело размахивающих хвостами.

И вовсе не испорченная обувь и даже не разодранная кни-
га разозлили его, а то, что впервые за много лет всё вокруг
разом вышло из-под контроля, словно кто-то неведомый за-
лез в его голову, заставив усомниться в том, что он всё дела-
ет правильно.

*Неудачный день из-за собак? Ну конечно! Неудачный день
из-за того, что его брат притащил какую-то цверру, забыв
о том, сколько несчастий уже принесло в их дом это подлое
кочевое отродье!*

– Надеюсь, мессер Оттавио, вы найдёте мне хоть одну при-
личную пару обуви до вечера, – ледяным голосом произнёс
Райно и направился к выходу.

Для того, чтобы немедленно проверить слова гадалки,
сгодятся и домашние туфли.

Пока Жильо, его помощник, устраивался на носу гондо-
лы, а Пабло торопливо отчаливал, Райно смотрел вслед уда-
ляющейся по набережной фигуре – пёструю юбку гадалки
было видно издалека – и всё никак не мог успокоиться.

Лоренцо, кажется, совсем спятил! У Райно в голове не
укладывалось, как его брат, подеста Альбиции, мог вообще
додуматься до такого. Притащить в дом цверру и предло-
жить Райно специально злить эту гадалку, чтобы у неё слу-
чались видения! Большого бреда он в жизни своей не слы-

шал. Если бы это сказал не родной брат, а какой-нибудь куритель опиума из притона на рива дель Лавадоре, это он бы ещё понял, но Лоренцо?!

– Злить её? Специально? Кариссимо, да ты в своём уме? – спросил он брата, когда они вышли для разговора один на один.

– Я понимаю твой скептицизм, – ответил Лоренцо абсолютно серьёзно, – но я уверен, дело стоящее. Я должен убедиться. Она не могла знать того, что я спрашивал! Того, что ты спрашивал! И всего две недели, а взамен, если тебе нужно что-то взамен... что же, я наконец прощу твой долг.

– И я должен её злить? Как ты себе это представляешь? Я должен тыкать в неё палкой, как в циркового медведя?

– Райно! Мы же оба знаем, что ты можешь быть невыносимым, если захочешь, – ответил с усмешкой Лоренцо, – ты даже мёртвого можешь вывести из себя. Только не переусердствуй. Сделай так, чтобы она не сбежала. Я думаю, в ней есть капля древней крови. Мне нужно убедиться. Две недели – и ты свободен от своих обещаний. Это ли не хорошая сделка?

Сделка была хорошей. Бредовой, конечно, но хорошей, если бы только... Если только в этом всё была бы хоть капля здравого смысла. А так всё это походило на какой-то нелепый фарс.

– Капля древней крови?! Святой марангон! Теперь и ты собрался помешаться на этом? Недостаточно того, что случилось с нашей матерью? Ты что, всерьёз веришь в древнюю

кровь? В осколок зеркала? Во всю эту ересь?!

– Вот только не начинай вспоминать то, что сделала наша мать! Не надо путать безумие с фактами! – огрызнулся Лоренцо.

– С фактами? С какими фактами? С утра ты верил в вампиров, теперь в древнюю кровь, ты притащил в дом гадалку и просишь меня специально злить её, чтобы у неё случались видения! Ренцо, ты спятил?

– Две недели, кариссимо. Просто две недели. Тебе и делать ничего не нужно, – произнёс Лоренцо, понизив голос. – И я освобожу тебя от твоего долга. Ты же очень этого хочешь?

– Ладно. Ладно. Пусть будет так, – сухо ответил Райно. – Но если она сбежит – то я всё равно свободен от долга.

– Договорились.

В глазах брата Райно увидел нездоровый блеск и подумал, что всё это какая-то дурно пахнущая история. Чем его так окрутила эта девица, что он пошёл даже на то, чтобы простить Райно давний долг, очень важный долг, в обмен на эти две недели? Или, может, чем-то опоила? Где вообще он её нашёл? И почему верит в неё так безоговорочно?!

Ему было неприятно осознавать, что родной брат верит видениям шарлатанки и не верит в него настолько, что устроил вот это представление с картами и шаром! И в придачу ко всему, если то, что сказала гадалка насчёт мастиффов и лодки, окажется правдой – вот это будет точно пощёчина его

профессионализму.

Почему он сам об этом не подумал? Хотя... с первым убийством всё было иначе. Командор позвал его слишком поздно, когда тело убрали с площади...

Но злить гадалку оказалось труднее, чем он думал. И ещё неизвестно, кто кого разозлил больше – он гадалку или гадалка его.

Может быть, явись в палаццо Скалигеров какая-нибудь цверрская старуха с трубкой табака и шепелявым ртом, она и не задела бы так сильно его профессиональную гордость. Но девчонка?! Дерзкая девчонка с миловидным личиком, стоптанными туфлями и непомерной гордыней взялась давать ему советы?! Вот это уж слишком!

– Нет уж, Лоренцо... Нет уж! Твоя пассия здесь ненадолго, – пробормотал Райно, переводя взгляд на воду, которую тревожили мерные взмахи весла гондольера и воскликнул: – Эй, Пабло! Ты будто покойника везёшь! Шевели веслом, я очень тороплюсь!

Неудачный день из-за собак! Дерзкая девчонка решила над ним подиутить?

И он не мог понять, что его так взбудоражило. Нет, не глупая выходка Лоренцо и даже не цверрская гадалка в гостиной. Его задело за живое то, что она вот так запросто, эта цверрская гадалка, могла оказаться права...

Нет, не могла!

Но ему сейчас следует успокоиться и не придавать всему

этому такого значения. Вряд ли она вернётся сюда. А если вернётся, то Лоренцо прав... он умеет быть невыносимым. И она всё равно сбежит.

Пьяцца Романа в этот час была полна народу, и Райно пришлось пробираться сквозь толпу торговцев, мимо трупы актёров, дающих представление на берегу канала, и бродячего цирка с тощим облезлым медведем на цепи.

Он нашёл без труда соттопортико, о котором говорила гадалка – узкий переулок, проходивший между глухими стенами домов. Здесь нет фонарей, нет окон, и кованая решетка калитки такой высоты, что даже подними он руку, и то не достанет до чугунных листьев винограда, что украшают её сверху.

– Что там сказала синьора Малатеста в прошлый раз насчёт этой калитки? – спросил Райно у своего помощника, трогая пальцами замок.

Когда нашли первую девушку, он приходил на пьяцца Романа. Не в тот день, позже. Его позвал командор Альбано для разговора, когда следствие уже совсем зашло в тупик, а после Райно наведалься сюда. И эти дома он тоже обошёл в тот раз и видел эту калитку, а Жильо поговорил с владельцами домов. Да выходит, не те вопросы они задавали.

– Сказала, что никто этим выходом не пользуется, а ключи только у её экономки, да ещё у экономки синьора Криченцо, что живёт напротив, – ответил Жильо, прислонившись к стене. – Этот выход нужен только в пору очень большой

воды – если затопит цоколь, то вон там есть лестница.

– Криченцо – это же тот, что с мастиффами? – задумчиво произнёс маэстро, словно задавая вопрос себе.

– Ага.

Калитка была заперта. Райно пошевелил замок и ощутил, что на пальцах остался жирный след. Он понюхал – масло. Лавандовое масло, если говорить точнее. Замок был смазан не так давно.

– Понюхай.

– Не чую ничего, синьор, – пожал плечами Жильо, прищурив косоватый глаз.

– Лаванда. Кто-то смазал этот замок. Запах слабый, но я его чувствую... Но почему лавандовым маслом?

– Ну, ежели надо было по-быстрому, а ничего под рукой не было, – предположил Жильо.

Райно достал платок и тщательно вытер пальцы.

– По-быстрому? Ну, это вряд ли. И петли... Посмотри, петли тоже смазаны, чтобы не скрипели. Проклятье! Ну не может же быть она права! Или может? – Райно повернулся и впился взглядом в лицо своего подручного.

Жильо был косоват на один глаз, левое плечо торчало чуть повыше правого, да и весь он был какой-то искривлённый, будто берёза, выросшая в расщелине скалы. И одевался как щёголь из бродячего театра – рыжие с крапом штаны, зелёная жилетка, платок на шее повязан бантом, а шляпа-котелок увенчана пучком петушиных перьев. Райно подобрал его

ещё до своего возвращения в Аква Альбицию. И хотя выглядел Жильо как фазан в брачный сезон, а лицом так и вовсе был похож на мошенника, но уж расторопнее и изворотливее помощника, чем этот с виду нескладный прианец из горной Альбиции, было не сыскать.

– Кто не права? – переспросил Жильо, надвигая шляпу-котелок на лоб.

– Неважно. Иди к Малатеста и Криченцо, спроси у экономок, брал ли кто не так давно ключи от этой калитки. На время, или что-то пронести, а может быть, они терялись. А потом сходи на рива Спецьеры – там сидит ключник, и узнай, не обращался ли к нему кто с просьбой открыть эту калитку или сделать запасной ключ.

– Будет сделано, капо, – Жильо приподнял котелок и шустро засеменил в сторону пьяццы Романа.

А Райно медленно прошёлся вдоль глухой стены, посмотрел вверх, сосредоточившись на том, чтобы представить, как всё могло выглядеть. Ночь, темнота, мёртвая девушка... Сейчас в переулке было сумрачно, лишь над головой – полоска голубого неба на уровне третьих этажей палаццо. Но всё-таки относительно светло, а вот ночью? В дальнем конце согтопортико поблёскивала на солнце вода в канале Спецьеры, и Райно окинул взглядом стены: нет окон, нет фонарей, ночью здесь полная темнота...

Вытащить тело из лодки и положить на берегу – это одно, а вот нести через этот узкий тёмный переулок, открывать ка-

литку, предварительно смазав замок и петли, да ещё лепестки... Длинный путь от рива Спецъери, и велика вероятность попасться кому-нибудь на глаза. На теле не было ссадин или царапин, а значит, его точно не тащили волоком.

«...Ну принесли через соттопортико в паланкине или в мешке...»

Он снова вспомнил слова гадалки. Убийца определённо силён и бесстрашен, раз смог пронести тело здесь. А ещё знаком с этим хитросплетением дворов. Или...? Или убийц было двое. Узкий дамский паланкин вполне возможно пронести здесь, и что внутри него, никто спрашивать не станет. Он не привлечёт внимания, и уж точно никто никогда не смотрит в лица носильщиков.

«...И, если собаки лаяли, кто-то должен был их услышать и всё это увидеть, а если не лаяли, то почему не лаяли? И если синьор Криченцо никого не убил в ту ночь, то, значит, никого и не было...»

Райно ещё раз посмотрел на глухую стену палаццо синьора Криченцо и решил, что поговорить насчёт мастиффов он, пожалуй, сходит сам.

* * *

– И какой он? Ну же, Миа, расскажи! Ну кто ещё в гетто похвастается тем, что разговаривал с Хромым накоротке! – воскликнула Николина.

Ради того, чтобы узнать подробности, она забросила даже утреннюю торговлю и, пришвартовавшись напротив лавки Дамианы, в кои-то веки позволила себе просто слушать, не пытаясь попутно что-нибудь продать.

– Ну же, Миа! Какой он?! Что из тебя всё клешнями-то надо тащить!

Миа поставила ногу на выступающий камень и ответила, глядя на воду и будто пытаясь вспомнить:

– Высокомерный. Зануда. Педант. Сушёный стручок ванили! – воскликнула она и перевела взгляд на Николину. – Такой же дорогой, сморщенный и приторный! Употреблять в небольшом количестве, иначе стошнит! Чванливый аристократ, – и она легонько пнула носком туфли кольцо для швартовки, вставленное в брусчатку.

– Ого! Сколько всего и сразу! Видать, не на шутку он тебя зацепил! – подмигнула Николина. – Но за сто дукатов я бы вытерпела хоть все оскорбления на свете.

Миа пожала плечами. Она не сказала Николине всей правды – ни про шестьсот дукатов, ни про то, зачем на самом деле её приглашали в палаццо Скалигеров. Сказала лишь, что синьора Перуджио, их тётка, желает перед смертью вывести семейные тайны. А поскольку она слишком стара, чтобы таскаться сюда по воде, то придётся Дамиане самой наведываться к ней целую неделю. А почему бы и нет, пока старуха Перуджио щедро платит за гадание?

Не стоит остального знать Николине, у той язык за зубами

не удержится, не хватало, чтобы вся сестъера Пескерия болтала о том, как может разбогатеть Дамиана Росси, работая на Хромого! Да и вообще, если кто узнает в гетто, что она взялась помогать Скалигерам, вряд ли её за это похвалят. Как бы не выдали красную метку – после такого путь в гетто ей будет заказан.

Для любого, проживающего в гетто, патриции – это корм. Это мешок с деньгами и это враги, а в лучшем случае, это те, к кому относится поговорка: «Хорош тот патриций, который либо платит, либо мёртв». И уж работать на них можно только одним способом – обманом. Так что, если в гетто узнают об их договорённости с Лоренцо делла Скала, её точно не поймут.

– Зацепил? Да ну какое там! Я и близко к нему не подходила. Так, повидалась в гостинной, кто же меня пустит дальше цоколя-то? Скажи спасибо, что не на кухне. Но старуха Перуджио, хвала Светлейшей, очень даже щедра, да и забывает половину, так что можно каждый день всё начинать заново! – рассмеялась Миа.

– А вот видишь, как я тебе вчера всё предсказала?! – воскликнула Николина. – И ведь всё сбылось! Ну и я продала на десять дукатов, как ты и говорила. И ставлю ещё дукат на то, что вон та гондола тоже чалит к твоему берегу! Видишь, Миа, прошла тёмная вода, пошла светлая!

Миа обернулась и без труда узнала зелёный с лиловым кушак гондольера Пабло, это он вчера привёз сюда Лоренцо

делла Скала. Долговязый и тощий, но при этом очень ловкий, с веслом он управлялся просто виртуозно. В лодке сидели ещё двое крепких мужчин – сикарио герцога, те же, что были вчера. Интересно, что им здесь нужно?

Пабло набросил петлю на швартовочный крюк, и Миа поспешила отделаться от Николины. И хотя хитрая торговка хотела задержаться, но Миа решила, что не стоит той слышать их разговор. Она развернулась и направилась в лавку, подхватив корзину, с которой только что пришла с рынка. Дедуля Козимо поделился свежим уловом, и на дне корзины, на подушке из мокрой травы и мха, поблескивала свежая рыба: две султанки, лаврак и пара окуней.

Пабло выбрался из лодки и, войдя в лавку следом за Дамианой, слегка поклонился и сдержанно произнёс:

– Доброе утро, монна Росси. Синьор делла Скала желает вас видеть, – он сделал паузу и добавил твёрдо: – Немедленно.

– Да ну? И что так пригорело господину делла Скала в такую рань? Да и кому из них? – усмехнулась Миа.

Немедленно?! Ещё чего! Пусть даже не мечтает, что она помчится по щелчку пальцев!

Она достала из корзины за хвост султанку, демонстративно бросила её в таз и посмотрела на Пабло исподлобья. Увидела, как он неодобрительно разглядывает её и её лавку, и даже отменного окуня, который собирался вот-вот испустить дух, и подумала, что, видно, Хромой нажаловался брату, и

теперь Лоренцо делла Скала даст ей отставку. Плакали её шестьсот дукатов, да и слава Светлейшей, может, оно и к лучшему.

Но тогда зачем он прислал за ней Пабло, да ещё и двух сикарио? Чего ему от неё нужно?

И холодок нехорошего предчувствия потёк по спине скользким угрём. А ну как им велено утопить её где-нибудь по дороге? Мало ли, вдруг маэстро Хромой не на шутку обиделся за вчерашнее?

Миа вытащила остальную рыбу и тоже бросила в таз.

– Вас желает видеть синьор Райнере делла Скала. И вам стоит поторопиться.

– В самом деле? А если я не поеду? Силой меня потащите?

– Если понадобится, – спокойно ответил Пабло, и за его спиной, как будто по беззвучному приказу, появились двое сикарио.

И вот это было совсем неприятно.

– Вы же видите, – она указала рукой на таз, – я немного занята. Мне нужно разделать и приготовить рыбу, ваш синьор подождёт, а рыба нет. Не могу же я оставить её вот так.

Один из сикарио шагнул ей навстречу и, прежде чем Миа успела хоть что-то возразить, схватил таз и вышвырнул рыбу прямо в открытое окно. Бросок был сильный, потому что, судя по шлепку, окуни долетели до воды и упали прямо в канал. И Миа как-то отстранённо подумала, что у окуней сегодня выдался удачный день, повезло им, а вот ей... И огля-

нулась тревожно на узкую дверь чёрного хода.

– Вашу проблему с рыбой мы решили. И на будущее, вам следует знать, что хозяин ждаты не любит, – произнёс Пабло всё так же спокойно.

– Да чтоб вас! Махтаб эт хатэ! – Миа выругалась на цверрском, надеясь, что эти бульдоги её не поймут. – Мне-то он не хозяин!

– Я бы так не сказал, – хмыкнул Пабло и сделал знак рукой своим людям.

Миа попятилась к задней двери, но один из сикарио бросился наперерез, перехватил её за талию и, забросив на плечо, как мешок овса, направился прочь из лавки.

От неожиданности она взвизгнула, зацепила рукой таз, пытаясь ударить им здоровяка по лицу, но все попытки вырваться оказались безуспешными. Ручищи у сикарио смогли бы порвать, не напрягаясь, даже корабельные цепи, и выбраться из его тисков нечего было и думать. Шпильки вылетели из волос, и где-то потерялась одна из туфель, но бульдогам из охраны герцога было всё равно. Поначалу она орала и колотила похитителя кулаками, но, когда огромная лапища сикарио зажала ей рот, благоразумие возобладало над гневом.

Как мешок овса, её и сгрузили на обитое красной кожей сиденье гондолы, а второй сикарио запер дверь в лавку, не забыв, однако, прихватить её сумку и шар. Ей показалось, что от неожиданности и страха она разучилась даже дышать,

и лишь судорожно ловила ртом воздух, как тот самый окунь, который только что счастливо избежал её сковороды.

Проклятые прихвостни Скалигеров! Какая наглость! Да что они себе позволяют?! Даже слуги у патрициев – высокомерные сволочи, все под стать своим хозяевам!

Но, как гласила одна старая цверрская поговорка: «Из любой ситуации можно как-нибудь выкрутиться», и Миа решила в этот раз положиться на мудрость предков. Она подавила свой гнев и желание вцепиться Пабло в лицо ногтями и всю дорогу сидела смирно. Не орала и не дёргалась, лишь молчала и копила гнев, как закипающий железный чайник, и думала лишь о том, что ей делать, если эти два бульдога и клятый Пабло были посланы затем, чтобы отвезти её в укромное место в лагуне и там утопить. Но лодка скользила по воде не прочь из города, а, наоборот, к центру, и это немного успокаивало – никто не станет топить её посреди Дворцового канала. И, когда гондола мягко ткнулась боком в швартовочное плечо у палаццо Скалигеров, тревога её окончательно отпустила, а вот злость, наоборот, поднялась, как вода в закипающем чайнике, готовясь окончательно сорвать крышку.

Глава 7. Какое-то подобие синьоры

Дамиану провели через внутренний дворик, и, чтобы не хромать на одну ногу, она ещё в лодке сняла туфлю и теперь шагала босиком по холодным терракотовым плитам следом за невозмутимым Пабло.

Палаццо Скалигеров был поистине огромен. Один только внутренний дворик, обнесённый арочной колоннадой, был больше её лавки раз, наверное, в десять. А может, и в двадцать. По периметру уставлен мраморными скамьями и большими вазонами с лимонными и оливковыми деревьями. Дворец возвышался вокруг на три этажа, каждый из которых опоясывала ажурная внутренняя галерея. Узоры голубой мозаики украшали самый верх, и, казалось, что стены сливаются с небом.

Вслед за Пабло она поднялась на второй этаж, где её сдали на попечение дворецкого – грозного мессера Оттавио. Резные двери распахнулись, и она вновь оказалась в той же самой гостиной, из которой стремглав сбежала вчера. Растрёпанная и красная, с сумкой, шаром и одной туфлей в руке, должно быть, сегодня она и вовсе походила на пугало.

– Доброе утро, монна Росси, – из противоположной двери появился маэстро Л'Омбре, на ходу вставляя запонки в манжеты идеально сидящей тёмной рубашки.

Гладко выбритый и бодрый, в сопровождении ароматов

свежесваренного кофе и чего-то горько-хвойного, он, даже если бы захотел, не смог бы выглядеть более раздражающим, чем сейчас. И от этого приветствия и безупречного вида хозяина дома у Дамианы аж под ложечкой закололо от злости. А ещё от того, в каком ужасном виде она предстала перед ним. Раньше она бы и внимания не обратила – какое дело цверрам до того, что думают о них патриции, но в этот раз почему-то стало неприятно.

Маэстро остановился, окинул её взглядом, полным смеси удивления и, как ей показалось... брезгливости. Его левая бровь слегка дёрнулась вверх, и чувство стыда вперемешку со злостью заставило Дамиану швырнуть на пол сумку и присесть в шутовском реверансе.

– И вам доброе утро, маэстро! Если такое утро можно называть добрым!

– Почему вы выглядите как... хм... впрочем, как и должны выглядеть, – маэстро сделал многозначительную паузу, будто специально хотел подчеркнуть, что выглядит она, как грязная цверра из гетто.

И лучше бы он сказал это вслух, хотя этикет и обязывал его молчать. Но его недомолвки и красноречивые взгляды были даже хуже пощёчин.

В гетто принято говорить друг другу правду в глаза. Но в приюте святые сёстры обучали Дамиану в том числе и этикету, по которому полагалось прямо противоположное – говорить в глаза приятную ложь или молчать, чтобы не обидеть

собеседника. Впрочем, для неё это было нетрудно: гадалка и так всегда соблюдает этикет – лжёт людям то, что они хотят услышать. Но сейчас Миа не смогла удержаться.

– Я выгляжу так, потому что ваши бульдоги ворвались в мою лавку с утра пораньше, забросили меня на плечо, как мешок с углём, и притащили сюда против моей воли! Я не ваша собственность, маэстро Л'Омбре, и у вас нет права так со мной поступать! – выпалила она в ярости, отшвырнув туплю в сторону.

– Кажется, это вы так опрометчиво заключили некую сделку с моим братом, заложив душу дьяволу за шестьсот дукатов, – спокойно ответил он, застёгивая второй манжет. – Так что нет, вы не правы. Право так поступать с вами у меня есть. Ну, или вы можете сами отказаться от этой сделки и убраться отсюда прямо сейчас. Я буду этому только рад. Ну, так что? – его синие глаза блеснули и теперь смотрели внимательно и цепко, словно подталкивая её к тому, чтобы обругать хозяина дома и, в ярости хлопнув дверью, уйти.

– Не дождётесь! – произнесла Миа с холодной злостью.

Она уперла кулаки в бёдра, собираясь долго и упорно сопротивляться попыткам маэстро её выставить, но блеск в его глазах тут же угас. Он лишь пожал плечами, поправил воротничок рубашки и произнёс спокойно и как-то даже безразлично:

– Тогда никто не в претензии.

– Я вас ненавижу! – воскликнула Миа, всеми силами пы-

таясь удержать рвущийся наружу гнев.

– Взаимно, монна Росси. Но нам придётся некоторое время друг друга потерпеть, чтобы каждый смог получить желаемое, раз уж вы так упорны в выполнении своих обязательств. Ну, или вы можете уйти прямо сейчас, – всё так же невозмутимо ответил маэстро, направляясь мимо неё к двери.

Неужели вот за этим он её сюда и притащил? Чтобы предложить расторгнуть сделку и уйти добровольно?! Или это просто месть за вчерашнее?

И Миа хотела бы развернуться и уйти. Плюнуть прямо на мозаичный пол и навсегда забыть высокомерных Скалигеров. Но шестьсот дукатов были весомее гордости, и поэтому она осталась стоять, бурно дыша и про себя обещая выкопать самые грязные секреты Хромого, и выдать их его высокомерному брату в качестве платы за это унижение.

– Ну вот, как я и думал, жадность победила гордость, – усмехнулся маэстро и, снова окинув её взглядом, полным недоумения пополам с брезгливостью, добавил: – А теперь, монна-Дамиана-Винченца-Росси, пришло время отрабатывать обещанное вам вознаграждение. Но для начала вас, конечно, придётся отмыть и переодеть. Ну и причесать немного, а то вы похожи на... впрочем, это уже неважно.

– Отмыть?! – она едва не подавилась собственным вопросом.

– Вы воняете рыбой, «монна-Дамиана-Винчеца-и-ни-

как-иначе», – бросил он через плечо и крикнул громко в открытые двери: – Монна Джованна? Будьте добры...

В этот раз не было ни дрожания воздуха, ни ароматов магнолии... В этот раз Светлейшая была немилосердна, будто схватила Дамиану за шею и окунула лицом в ледяную воду, да так, что не вздохнуть.

С высоты видны зеленеющие поля, и тонкие пики кипарисов частоколом стоят вдоль подъездной аллеи старой виллы. В белёсом от зноя небе быстрые стрижи чертят замысловатый узор...

Миа видит какое-то здание...

Слева и справа над головой сходится стрельчатая арка. Чуть вперёд выступает черепичный козырёк крыши, притеняя от жаркого полуденного солнца. Кажется, это небольшая кампанила. Самая вершина башни. И тот, кто сидит, прислонившись к дубовой распорке прямо под большим колоколом, – художник. У него на коленях альбом. Красивые длинные пальцы держат в руках огрызок карандаша и рисуют торопливо, словно боясь хоть на мгновение оторвать его кончик от бумаги. И карандаш хоть и движется быстро и рвано, словно колотится чьё-то испуганное сердце, но уверенно ложится один штрих за другим, рождая на бумаге прекрасное лицо. Тонкий профиль девушки, сидящей вполоборота. Упавший на грудь локон, опущенные ресницы, губы, тронутые тенью улыбки...

Гости сидят внизу, на высокой террасе виллы, и с высо-

ты колокольной башни они отлично видны тому, кто скрывается в её тени. Миа смотрит на девушку и понимает, почему пальцы художника движутся так быстро. Она чувствует, как он торопится, чтобы успеть, ухватить и удержать это мгновение, украсть его тайком, пока красавица, сидящая на террасе одна, неторопливо рассматривает что-то в книге.

Красавица, принадлежащая другому. Тому, кто подходит сзади и смотрит в книгу поверх её волос цвета розового золота, а затем касается её плеча так... как будто имеет на это право. И сердце художника замирает вместе с карандашом...

Миа понимает, что вот это и всё, что остаётся художнику – поймать этот образ, перенести на бумагу и забрать с собой, чтобы смотреть на него потом, не таясь. Потому что на остальное права у него нет.

Знойное лето тонет где-то в лиловых разливах лавандовых полей, и пальцы художника бессильно ложатся на лист, когда девушка вслед за мужчиной уходит в глубину террасы. А потом художник переворачивает страницу, и Миа видит уже другие рисунки.

Она. Снова она. Везде только она...

И ощущение тоски такое сильное, что под рёбрами всё сжимается, не давая сделать вдох.

– ...ну и, видимо, туфли. Вы же видите, что она босая. Нужно сделать из неё хоть какое-то подобие... синьоры.

– Подобие синьоры?! – воскликнула монна Джованна недоумённо.

Миа вынырнула из видения так же внезапно, как и провалилась в него. Судорожно глотнула воздух и посмотрела вокруг, пытаясь понять, где она.

Это видение было ещё ярче, чем вчерашнее. Она словно побывала там. Словно стояла за плечом художника, ощущая и зной, и тоску, и лёгкий аромат лаванды. Это видение было пропитано чувствами и ощущениями, запахами, звуками, и такого с ней раньше вообще никогда не случалось.

Миа смотрела на маэстро Л'Омбре и монну Джованну, появившуюся неизвестно откуда, и на то, как они обсуждают её внешний вид, и никак не могла прийти в себя. И даже злость будто разом иссякла. Будто вся сила её негодования истратилась на то, чтобы перенестись на ту самую колокольню и стряхнуть песок времени с чьих-то чужих воспоминаний.

Чьих-то...

Взгляд скользнул по плечу маэстро Л'Омбре вниз, к запястью, туда, где тёмный манжет рубашки был схвачен чёрной ониксовой запонкой, которую он сейчас покручивал пальцами другой руки. Его руки были чуть согнуты в локтях и...

Руки...

Это ведь его пальцы. Длинные и красивые, которые так ловко держали карандаш. Его руки. Сейчас она смотрела на них, не сводя глаз, и всё ещё видела, как они мелькают, рождая прекрасный образ, и понимала: это он рисовал ту девуш-

ку. Это он – тот самый художник на башне, что умирал от тоски.

– Позвольте поинтересоваться, куда вы так смотрите, монна Росси? – этот вопрос окончательно привёл её в чувство, заставив вздрогнуть и внезапно покраснеть. – Я бы сказал, что это неприлично даже для девицы из гетто.

Нет, маэстро Л'Омбре нисколько не смутился оттого, что она уставилась ему пониже пояса. Но своим вопросом он, видимо, хотел смутить её. И не только её, потому что монна Джованна тоже покраснела, как варёный краб, и возмущённо отвернулась.

О-ля-ля! Вот же незадача! Объясняй ему теперь, что она разглядывала его пальцы, а не то, что он подумал! Ну как же неловко вышло! И монна Джованна вся пышет негодованием и вот-вот закудахчет, как курица!

– Не льстите себе, маэстро, было бы на что смотреть! – не задумываясь, выпалила Миа, желая стряхнуть накотившее смущение, и тут же прикусила язык.

Поставить на место зарвавшегося торговца, который норовит ущипнуть в толчее на рынке или шлёпнуть пониже спины, никогда не составляло ей труда. Но сказать такое патрицию?! О, Серениссима! Её точно утопят в канале!

– Хм, не думал, что ваша э-м-м-м... способность к предвидению, или как там вы это называете, позволяет видеть не только сквозь пространство и время, но и сквозь габардин, – ответил маэстро совершенно спокойно с каким-то подобием

усмешки, и как будто нашёл эту ситуацию даже забавной.

– Э-э-э-э, не обязательно прям вот всё видеть, можно и так догадаться, – фыркнула Миа, поведя плечом и отбрасывая локон.

Тьфу ты, да что такое она болтает?! Да ещё и краснеет!

Под испепеляющим взглядом маэстро она почему-то покраснела, кажется, до самых пяток.

– Хм, вот уже, поистине, на странные догадки вас натолкнуло моё предложение смыть с вас ароматы Рыбного рынка, – ответил маэстро с ещё более явной усмешкой, – не льстите себе, монна Росси, и не стройте иллюзий, вы совершенно не в моём вкусе.

Не стройте иллюзий? Что?! Да чтоб вам пропасть!

Их взгляды схлестнулись, впились друг в друга острыми крючьями, и, кажется, даже воздух в комнате пропитался грозой. Маэстро смотрел, не моргая, и как будто ждал, что же она ответит. И ей захотелось бросить ему в лицо абсолютно всё, что она думает о чванливых высокородных индюках вроде него, но что-то в его усмешке подсказало ей – он именно этого и ждёт.

Ну, так не дождётся!

– Не в вашем вкусе? О, слава Светлейшей! – усмехнулась Миа, обуздав всю свою ярость, и всё ещё ощущая, как пылают от смущения уши. – А мне-то показалось, что вы из тех господ, что любят тискать служанок по углам. Какое счастье,

что я ошиблась! Всё-таки патриции должны быть образцом поведения для нас – плебеев, проводником и светочем, и... чем-то там ещё...

– Идёмте уже, монна Росси! – резко оборвала её цитату из «Послания к жителям Альбиции» монна Джованна. Подхватила юбки и, выпрямившись, с возмущённым видом направились прочь из гостиной, скомандовав через плечо: – Немедленно следуйте за мной!

Пришлось последовать, чтобы не провалиться от стыда.

– Сделать из неё синьору?! Из этого исчадья ада?! Что за нелепость?! – возмущённо бормотала экономка, направляясь по лестнице вниз и энергично стуча каблуками по мраморным ступеням.

Вообще-то, Миа была не из стеснительных. Когда живёшь в гетто, какая уж тут стеснительность! Всё, что происходит на лодках, известно каждому, да и нет в этом ничего такого. Но и годы, проведённые в пансионе, тоже не прошли даром. Святые сёстры вбивали ей в голову совсем иную мораль, где всё телесное называлось греховным, плотские утехи считались злом, а мысли о них – кознями дьявола.

Да и не было у неё никаких мыслей, так чего она так смущалась?! Никогда не смущалась сальным шуткам торговцев, а тут!

И с чего это Хромому пришло в голову, что у неё есть на его счёт какие-то иллюзии?! Да утащи его Зелёная дева в свои сети! Чтобы она хоть раз в жизни ещё связалась с пат-

рицием?! Хватит с неё и Рикардо Барнезе.

Вернее, синьора Рикардо Барнезе, любовь к которому навсегда отучила её от того, чтобы питать иллюзии насчёт намерений патрициев в отношении таких, как Дамиана.

Будь на месте маэстро кто-то из сестеры Пескерия: владелец кожевни Лука Сквилаччи или мессер Брочино, она бы, не задумываясь, поставила наглеца на место, да так, что в следующий раз ему бы и в голову не пришло делать какие-то намёки в её сторону. А за вольности могла бы и огреть тем, что под руку попадётся, хоть веслом, хоть макрелью, хоть сковородой. Женщины в гетто умеют постоять за свою честь.

Но маэстро Л'Омбре не плебей из гетто, он – совсем другое дело. И от интонаций в его голосе иной раз дрожь пробирала до самых пяток. Поэтому желание поставить его на место всё время смешивалось со страхом последствий за слишком резкие слова и какой-то робостью перед его статусом и положением. А ещё этот его ледяной взгляд! Он будто выжигал на ней клеймо презрения, и никогда ещё ей не было так неловко, как вот сейчас. Неловко оттого, что она всего лишь гадалка из гетто!

«Вы воняете рыбой». Да чтоб вам пропасть! Кто же в этом виноват, как не клятый Пабло с его бульдогами?!

Никогда раньше она не испытывала стыда ни за свой внешний вид, ни за образ жизни, ни за то, что она цверра, пусть и не по рождению, никогда... до встречи с маэстро Л'Омбре. И злилась она теперь ещё и потому, что не могла

стоять перед ним гордо, как настоящая синьора, и ответить так, чтобы он не мог себе позволить и дальше унижать её безнаказанно. Но и ответить так, как принято в гетто, она тоже не могла.

И что делать?

Она яростно тёрла себя мочалкой, сидя в большой медной ванне, стоящей на широких ногах в виде львиных лап. Разглядывала мозаичный пол и стены, облицованные розовым мрамором, полки с множеством пузырьков, пушистые полотенца из нежнейшего арцийского хлопка и бутылки ароматного масла.

О-ля-ля! Сколько же всего нужно патрицию, чтобы просто принять ванну!

Кусочки пемзового камня для полировки ногтей и пяток, морская соль с пихтовым маслом, вулканическая глина... Даже мыло, уложенное на полке идеально ровной горкой, было двадцати разных сортов! А ей дали апельсиновое, как она и потребовала в прошлый раз. Требовала в шутку, конечно, из вредности. Но на полке вверху лежало много брусков: лавандовое, оливковое, лимонное, а ей положили именно апельсиновое.

Да он ещё и издевается! Какой же злопамятный!

И пена в ванне тоже благоухала чем-то нежным, цветочным. И вода была горячей, и служанки с кувшинами сновали туда-сюда, как птички-трясогузки. Видно, что не одобряли появление в этом доме «грязной цверры», но молчали и

смотрели в пол.

Потом явилась монна Джованна с гребнем и платьями и долго бурчала что-то себе под нос, перекладывая всё с места на место и всем своим видом выражая недовольство. А Миа лежала в душистой пене и думала о том, чья же это ванная комната? Судя по роскоши вокруг, не иначе как самого маэстро. Но неужто хозяин разрешил ей помыться в своей ванне? С его-то отношением к грязным цверрам? Вот дела!

Раздумывать долго не пришлось: монна Джованна развеяла её сомнения, открыв дверь в соседнюю комнату и буркнув неодобрительно:

– Это гостевая комната. Здесь вы будете переодеваться, когда придёте из... в общем с улицы. Так велел хозяин. А там гардеробная, – она указала пальцем на дверь, – я разложила вам платья и всё остальное, если что-то велико, портниха вечером ушьёт.

Монна Джованна раздражённо провела ладонями по тёмно-зелёному фартуку, будто разглаживая невидимые складки, и добавила, снова вздёрнув голову, так что косы, уложенные у неё на голове в замысловатую причёску, стали похожи на корону:

– А в ванной извольте мыться каждый день. Хозяин любит чистоту. И не опаздывайте к завтраку. Он любит пунктуальность. И босиком ходить в приличных домах не принято...

Она выдала ещё огромный список того, что не принято, и чего не любит хозяин, глядя при этом на одежду Дамианы,

сваленную на полу, взглядом, каким дедуля Козимо смотрит на угря, собираясь оттяпать ему голову.

– Не буду вам мешать, – резюмировала монна Джованна и царственно удалилась, аккуратно притворив за собой дверь.

А Миа, прислушиваясь к её удаляющимся шагам и шепоткам служанок за дверью, задрала ногу вверх, посмотрела, как по ней стекает душистая пена, и воскликнула:

– Моя ванная?! О, Серениссима! Неужели Хромой решил уморить меня чистотой? – и рассмеялась.

Затем вылезла и, оставляя за собой мокрые следы и пятна пены, прошлёпала по полу к открытой двери и заглянула в соседнюю комнату.

И вот это вот комната возле буфетной?! О-ля-ля! Что же там тогда за буфетная?!

Она-то думала, что это будет какая-то конура с окошком у потолка и сундуками с посудой в углу. Но комната была просторной и светлой, с огромным зеркалом на стене и двумя большими шкафами, украшенными искусной резьбой. Миа открыла дверцы и заглянула внутрь. Полотенца и постельное бельё, уложенное стопками, и салфетки, и какие-то коробки наверху. Мешочки с сушёной лавандой и апельсиновыми корками были разложены на полках, и Миа даже втянула ноздрями этот чудесный запах чистого белья и лаванды.

На специальной подставке у окна висел приготовленный для неё наряд, и стояли туфли, и Миа только вздохнула, глядя на них.

Хотя её гордости очень хотелось вышвырнуть платья на лестницу и туда же отправить мыло и полотенца, забрать свою сумку и босиком уйти на рива дель Карбон, но что-то внутри, более сильное, чем гордость, более жадное и практичное, зашептало голосом мамы Ленары из гетто: «Пользуйся случаем, девочка. Возьми у патрициев всё, что плохо лежит. Это подарки Светлейшей».

Ну, это и, правда, похоже на подарки. Ведь ей дают это добровольно... вроде как.

Она вытерлась пушистым полотенцем и упала в стоявшее тут же глубокое кресло, обитое голубым бархатом, посидела в нём немного, запрокинув голову и глядя на потолок, расписанный облаками и фигурами пухлых ангелочков, а потом...

А потом подумала: с чего бы вдруг маэстро Хромому устраивать ей такой пышный приём, если ещё вчера он собирался выставить её за дверь? Зачем она ему так срочно понадобилась?

И холодок нехорошего предчувствия вновь пополз по спине. Она натянула тонкую рубашку и одно из платьев, оставленных монной Джованной, и пришла к выводу, затягивая шнуровку по бокам, что как-то уж очень тщательно маэстро подготовился: нате вам и мыло, и платья, и даже панталоны! Странно всё это...

Собрав волосы в сетку и подколов шпильками, Миа посмотрела на себя в зеркало. Платье было скромным, из плотной серо-голубой ткани в тонкий рубчик, но на ней сидело

прекрасно, в один миг превратив её из гадалки с площади, пусть не в синьору, но в респектабельную горожанку. Бусы и браслеты пришлось оставить, они совсем не подходили к этому платью, да и вообще ко всему её новому облику. Облику, в котором она себя совсем не узнавала, но который ей очень понравился.

А из неё бы вышла прекрасная синьора!

Она покрутилась перед зеркалом и снова подумала, что за всё это придётся платить. И будет ли к ней добра Светлейшая или нет – это ещё неизвестно, а Скалигеры-то спросят обязательно. Миа сунула ноги в туфли и обнаружила, что они немного великоваты, пришлось запихать в носки по носовому платку. Но ей платки без надобности, а хлюпать пятками респектабельной горожанке не пристало. Она капнула пару капель ароматного масла на запястья, как обычно делают синьоры, и, посмотрев напоследок в зеркало, сделала реверанс и произнесла с придыханием:

– Ах, монна Росси, вы просто очаровательны! Ах, спасибо синьор, я так польщена!

И, усмехнувшись своему отражению, направилась прочь из комнаты. Вряд ли маэстро Л'Омбре прикажет её утопить или выгонит. Не стал бы он её отмывать и переодевать ради этого. Так ради чего?

Она замерла на пороге комнаты, снова ощущая холодок предчувствия, но, мысленно пообещав себе быть очень осторожной, не болтать лишнего и не предсказывать слишком

много правды, решительно затворила за собой дверь. Надо думать, теперь маэстро должен быть доволен – она благоухает, как лавка парфюмера!

Маэстро, как ни странно, довольным ей не показался. Окинул её с головы до ног тяжёлым взглядом и быстро отвёл глаза. И она поклялась бы, что он разозлился. Он листал какую-то книгу и продолжил это делать с таким видом, будто Дамианы и вовсе нет в комнате.

Да что опять-то не так?!

– Я вырядилась, как вы и хотели, а сдаётся мне, маэстро, вы опять чем-то недовольны! – произнесла она, разведя руки в стороны.

– Ну, теперь с вами хотя бы не стыдно показаться на улице, «монна-Росси-и-никак-иначе», – ответил он холодно, не отрывая глаз от книги.

– А-а-а, так вам стыдно было показаться на улице в компании плебейки?! Как я сразу не догадалась! Вы для этого лепите из меня «какое-то подобие синьоры»?

– Мне не стыдно показаться в компании плебейки, монна Росси. Мне стыдно показаться в компании шарлатанки. Не хотелось бы, чтобы кто-то подумал, будто мне нужны подобного рода услуги, – ответил он, продолжая сосредоточенно переворачивать страницы. – А ваши бусы, эта жуткая юбка, ну и... всё остальное говорило само за себя. Думаю, вы понимаете, о чём я. И уберите с лица эту москету, это очень вульгарно, и не пристало синьоре ходить с ней днём.

– А я и не синьора. Я какое-то подобие, правильно?

– Это ничего не меняет. Вы будете изображать «какое-то подобие синьоры» две недели, пока не истечёт срок вашей договорённости с моим братом. Так что да, смиритесь с тем, что вы какое-то подобие. Не самое удачное, надо сказать. И москету всё равно придётся снять.

«Не самое удачное?!» Да чтоб вам пропасть, маэстро!

– Очередной промах вашей наблюдательности, маэстро Л'Омбре, – насмешливо ответила Дамиана, подняла свою сумку и, достав из неё яблоко, с хрустом надкусила: – Это не москета. Это родинка. И она настоящая.

Маэстро повернул голову, и взгляд его был всё таким же непроницаемым, ледяным и очень внимательным. Он скользнул по её лицу, задержавшись там, где была родинка – над правым уголком верхней губы, прошёлся снова по её платью и, будто всё равно найдя какой-то изъян, снова поспешно вернулся к страницам.

– Ну что, надеюсь теперь вы, наконец, готовы, монна Росси? На вас приличное платье и туфли, вы не воняете рыбой и можете сделать то, за что вам платит мой брат, – произнёс маэстро, захлопывая книгу. – Проходите, прошу вас.

Он снова, как и вчера, распахнул двери в кабинет. И снова Дамиану окружили книги и карты, химическая посуда и ящички, о содержимом которых можно было только догадываться. И перед глазами предстала фреска на стене с картой Аква Альбиции.

Правда, сегодня карта пополнилась новыми записками. Дамиана подошла и попыталась их прочесть.

– Вы пишете как курица лапой, – буркнула она, с хрустом откусывая от яблока, и едва не подавилась.

Сказать такое патрицию?! Она же обещала себе быть осторожной!

Дамиана посмотрела искоса на маэстро. Но он стоял, приклонившись плечом к шкафу, и, скрестив на груди руки, лишь молча её разглядывал.

– Почему вы всё время так на меня смотрите?

– Наблюдаю за вашими попытками выудить ценную информацию из моих записей. Посмотрим, как вы выкрутитесь на этот раз. Итак, – он оттолкнулся от шкафа, подошёл и, указав рукой на карту, произнёс, не сводя с Дамианы глаз: – Насчёт калитки вы, возможно, были правы. Свежесмазанный замок и петли, укромный проход. Мой подмастерье выяснил, что у экономки синьора Криченцо терялись ключи, а ключник делал такой же ключ неизвестному мужчине за три дня до первого убийства. Синьор Криченцо вспомнил, что в какое-то утро он обнаружил своих собак сытыми, а в решётке ограждения террасы застрял кусок отличной говяжьей вырезки. Причем, часть мяса его мастиффы даже не доели. Он не помнит точно, что это была за ночь, но очень близко ко дню первого убийства.

Маэстро замолчал, и Миа повернулась к нему со словами:

– Ну вот видите! Так и что теперь нужно от меня?

– Подробности, монна Росси, подробности. Всё это я выяснил путём простого опроса. А вы здесь затем, чтобы рассказать то, что простым опросом я выяснить не смогу. Кто этот мужчина, что заказал ключ? Был ли он один? Экономка синьора Малатеста в ту ночь видела полного мужчину в маске и карнавальном колпаке, он нёс мешок. Над калиткой горел фонарь, и она хорошо это запомнила, но большего она не знает, – маэстро повернулся к Дамиане, и его синие глаза показались ей почти чёрными. – А что к этому можете добавить вы?

– Я? Мне нужно что-то: человек, вещь, место, – она снова откусила от яблока, – я не коробка с ответами, маэстро Л'Омбре!

– Место? Ну что же, нет ничего проще, идёмте, отправимся на пьяцца Романа.

– Что, прямо сейчас?

– Ну разумеется. Должен же я вывести вас на чистую воду!

– О-ля-ля, так вот оно что! – усмехнулась Дамиана и положила огрызок яблока на край стола, но, поймав тяжёлый взгляд маэстро, тут же его забрала.

Они спустились к лодке, и кроме маэстро и Дамианы, там оказались ещё Пабло и те двое сикариу, что заявили к ней сегодня утром. Они встретили Дамиану удивлёнными взглядами, видимо, заметив её преобразование, и даже расступились, пропуская в лодку. И это внезапное внимание было таким неожиданным, странным и в чём-то даже приятным, что

она второй раз за день смутилась.

Вот небывалые дела! И они впрямь смотрят на неё как на синьору!

И, чтобы как-то скрыть своё смущение, она изо всех сил швырнула огрызок яблока в канал, попав прямым в причальную бриколу.

– Какой меткий бросок, – усмехнулся маэстро и сел напротив, пристроив вдоль борта трость с волчьей головой.

Последним в лодку забрался мужчина по имени Жильо, о котором Дамиана сразу подумала – прохвост. Что-то среднее между бродячим актёром и сутенёром с рива дель Лавадоре. Один глаз у него был косоват, а второй он шурил, видимо для того, чтобы его лицо выглядело более симметричным, но от этого казалось, что он всё время что-то замышляет.

Миа отвернулась, переведя взгляд на воду. Она чувствовала себя неуютно в компании пятерых мужчин. Не то, что неуютно... Ей вдруг стало страшно до мурашек. А ну как маэстро обиделся, и они вывезут её сейчас и выбросят где-нибудь возле Повильи в воду. И всё... Прощай, Дамиана!

А может, и ещё что похуже придумают.

И она покосилась на трость маэстро, которая лежала у её ног. Если ударить этой волчьей головой кого-нибудь по носу, ну или другой чувствительной части мужского тела – мало, конечно, не покажется. Но всё-таки против пятерых мужчин ей не выстоять, и на воде некуда сбежать. Сейчас конец весны, и вода в лагуне ещё ужас какая холодная, а в этом платье

она пойдёт ко дну, как мешок с углём.

Миа вздохнула и принялась молиться Светлейшей, вспоминая своё недавнее гадание и проклиная на все лады собственную беспечность и длинный язык синьоры Перуджио, который привёл Скалигеров в её лавку.

Но самым неприятным было то, что сидящий напротив маэстро не сводил с неё глаз. Будто рассматривал на все лады, как любопытный экземпляр какого-то насекомого, только что очки не надел! И этот взгляд, внимательный и холодный, её пугал даже больше, чем бульдоги-сикарио и косоглазый Жильо, сидящий на корме.

Лодка скользила по узкой рива дель Боккаро, и тишину нарушал лишь плеск волн да оклики Пабло «Эй-ой-е!» на каждом повороте канала, чтобы предупредить идущие навстречу гондолы от столкновения. Сверху давили глухие стены домов, с балконов свисали горшки с цветами и сохнувшее бельё. Рива дель Боккаро – это задворки сестеры Карриджи, но это и кратчайший путь, соединяющий Гранд канал и Дворцовый канал. И это единственное, что успокаивало Дамиану – они движутся по направлению к центру. А обратно она, пожалуй, пойдёт пешком.

Её пальцы заledenели от волнения, от гнетущего безмолвия спутников и от этого взгляда, которым сверлил её маэстро. Ещё немного, и она, кажется, просто выскочила бы из лодки, но маэстро первым нарушил давящее молчание:

– Ваше гадание на кофейной гуще... Вы сказали что-то

вроде: «Сегодня у вас будет неудачный день из-за собак». Как вы узнали? Увидели? Или подслушали? Или это снова... предвидение?

Она перевела взгляд на маэстро и снова почувствовала смущение. Её ноги были слишком близко от его коленей, и он так смотрел, что желудок сжимался до размеров ореха, как будто она сидела на допросе во Дворце Вздохов у главного инквизитора! И лицо у маэстро было такое серьёзное, внимательное и строгое, что попробуй соври.

– Пока вы высмеивали брата за то, что он привёл гадалку «с самого дна Альбиции», я стояла за дверью и подслушала, как ваш дворецкий распекает слугу и этих щенков. Ну и он сам сказал про обувь и всё остальное, и что вы будете очень недовольны, потому что собирались куда-то там, неважно куда. И что щенок порвал вашу книгу, а вы её очень ждали. Остальное предугадать было несложно. Судя по тому, кто вы такой, – ответила Дамиана, касаясь воды пальцами и стараясь не смотреть на маэстро.

– Так, значит, всё ваше предвидение основано на простой наблюдательности? – в его голосе ей послышалось облегчение и насмешка, и она метнула на маэстро короткий взгляд.

Он откинулся на подушку, переплетя пальцы и продолжая её разглядывать, но его лицо стало немного менее напряжённым, будто он расслабился, услышав такой ответ.

– Что-то основано именно на ней, – пожала она плечами, надеясь, что нейтральный ответ удовлетворит маэстро.

Маэстро и в самом деле удовлетворился, и молчал до самой пьядцы Романо.

Из лодки ей помог выбраться Пабло. Он подал Дамиане руку, как настоящей синьоре, и это было даже странно, учитывая, что ещё утром в гондолу её просто сгрузили, как мешок овса. То ли это всё чудеса её преобразования, то ли в присутствии маэстро его бульдоги начинали вести себя как люди, но, нельзя не признаться, что это польстило её самолюбию.

Когда они шли по площади, навстречу им попадались какие-то знакомые маэстро, они кланялись ему и с любопытством смотрели на Дамиану, пытаясь угадать, кто она такая. И вся их процессия в этот момент выглядела, как выход в город знатного семейства, и показалась Дамиане ужасно забавной. Но, с другой стороны, сейчас она поняла, зачем маэстро велел ей надеть это платье: будь она в своём обычном наряде, все вместе они, наверное, смотрелись бы странно.

Маэстро сделал знак, и его люди остановились, как дрессированные псы, и остались ждать на площади, так что в сотопортико они вошли только вдвоём. У самой калитки, маэстро развёл руками и произнёс:

– Вы просили место. Вот это место. Приступайте, монна Росси.

А сам прислонился к стене, поставив рядом трость, и, скрестив руки на груди, снова впился в Дамиану внимательным взглядом.

Ах, чтоб тебя!

Миа положила руки на железные прутья, украшенные чугунными листьями винограда, и, закрыв глаза, взмолилась к Светлейшей с просьбой о помощи. Она пыталась представить ночь и полного мужчину в карнавальной маске и колпаке, крадущегося по этому переулку, но в голове была тишина. Лишь спиной она чувствовала холодный взгляд маэстро Л'Омбре, который сверлил её прямо между лопаток. И почти видела, как его губы расползаются в ехидной кривой усмешке: «Я так и думал, монна Росси, что вы шарлатанка!».

– Не могли бы вы не прожигать во мне дырку взглядом? – спросила она раздражённо и обернулась.

Точно, так и есть, он усмехается!

– Извольте, я отвернусь, – ответил он, и усмешка стала ещё шире и как будто презрительнее.

Миа отвернулась, вцепилась в виноградные листья, и в этот момент Светлейшая откликнулась...

Пальцы всё ещё ощущали холодный металл, но она уже была как будто не здесь.

Впереди поблёскивает море, и воздух пропитан ароматами хвои и эвкалипта. Вниз спускается жёлтая стена обрыва, и шапки могучих кедров подпирают небо на самом его краю, а впереди виднеется утёс, похожий на надутый ветром парус.

Она держится за решётку ограждения и чувствует сзади чьё-то дыхание. А затем её пальцы сверху накрывают

мужские руки. И Миа узнаёт эти руки... Руки художника.

И запах, хвойно-горький, кружит голову... Запах кедров... и его присутствия. Его пальцы нежно скользят по её пальцам и переплетаются с ними. Его щека касается её волос, и она слышит горячий шёпот, а спина чувствует тепло его тела.

Но это уже не её спина. Это спина той девушки. Потому что Миа уже стоит поодаль, наблюдая со стороны за их объятиями. Вот только чувствует всё, как будто она на месте той девушки. И жаркую волну желания, и замирание сердца...

— Мы наконец-то одни...

— Ты не должен звать меня сюда больше... Ты должен это прекратить.

— Я не могу... Не могу не видеть тебя.

Миа узнаёт это место. Это Бари-ле-Мер. Городок на другой стороне лагуны — место, где среди кедровых рощ и эвкалиптов находятся зимние виллы патрициев.

Ей жарко... И приятно от этих прикосновений...

Она сжала пальцами прутья калитки так яростно, что острые края виноградных листьев вонзились в её ладони, и усилием, от которого закружилась голова, прогнала видение прочь.

О, Серениссима! Да почему же ты так жестока? Ей не нужны такие воспоминания! Она не хочет знать ничего о неразделённой любви маэстро! Она не собирается подгля-

дывать за ним! И тем более чувствовать чужое желание! Ей нужно совсем не это!

– Пожалуйста, пожалуйста! О, Светлейшая, – прошептала она, прислоняясь лбом к решётке и горячо моля о других видениях.

Она не думала, что получится, но, как ни странно, сегодня Светлейшая оказалась особенно щедра. Голова закружилась, и сладкий запах магнолий разлился в сыром воздухе переул-ка.

В соттопортико темно. Луны нет. Лишь где-то вдали на пьядца Романа маячит тусклое пятно света от фонарей. Она не видит идущих, но слышит шаги и дыхание одного из них, хриплое, будто рваное. Чиркает спичка, и чья-то ладонь прикрывает пламя. Вспышка на мгновение освещает замок калитки и тут же гаснет. Лицо мужчины скрыто шляпой и поднятым воротником, так что рассмотреть удаётся только нос и руку со спичкой. На тыльной стороне ладони какой-то знак – татуировка или ожог. Круг, а в круге что-то похожее на корону, но часть её закрывает рукав. Сзади мужчины стоит ещё кто-то, но Миа не видит, кто.

Калитка отворяется бесшумно, и мимо так же бесшумно скользит что-то тёмное. Может, это паланкин, а может, просто носилки. И запах... Что это? Карболка? Воск? Лаванда? Запах горящего лампадного масла и подземелья? И ещё что-то горьковатое, как миндальная косточка. Её окутывает тяжёлое душиное облако, и дело даже не в самом

запахе... Что-то более тёмное, чем сама ночь, клубится в воздухе, делая его плотным, как пар, и тянется по сотто-портико к пьядца Романа вслед за теми, кто прошёл мимо неё.

Калитка закрывается и...

Видение гаснет. А за ним гаснет и весь остальной мир.

– Монна Росси? Монна Росси?! – сквозь темноту пробивается голос маэстро Л'Омбре.

Ощущение реальности возвращалось медленно. Твёрдостью камня и железных прутьев решётки, впивающихся в плечи, и ощущением чьей-то твёрдой ладони, поддерживающей её за спину.

Миа открыла глаза и увидела совсем близко лицо маэстро, склонившегося над ней. И, несмотря на то, что в сотто-портико было сумрачно, его синие глаза показались ей почему-то особенно яркими. Маэстро удерживал её почти на весу, стоя на одном колене прямо на булыжнике мостовой, и выглядел обеспокоенным.

– Вы, что же, каждый раз будете падать в обморок, чтобы убедить меня в правдоподобности ваших видений? – произнёс он в этот раз без всякой усмешки, лишь с тревогой вглядываясь в её лицо.

– Простите, – Миа нащупала ладонями камни, ухватилась за решётку калитки и попыталась встать, отстраняясь от маэстро.

Он помог ей подняться и тоже сделал шаг назад.

– Я просто... не успела позавтракать, и вот... голова закружилась. Скажите спасибо вашим сикарио, которые вывели меня из дома, – пробормотала она, прислоняясь к калитке, и посмотрела на свои ладони.

Они были все в крови – острые края виноградных листьев, украшавших калитку, немилосердно порвали кожу. Носовых платков у Дамианы с собой не было, разве что те, которые в носках туфель, но лезть туда за ними было бы как-то уж совсем неприлично.

– Держите, – маэстро, видимо, понял её замешательство и протянул ей два своих.

Надо же, у него с собой целых два платка! Какая чистоплотность!

Она попыталась перевязать рану, но одной рукой это сделать было затруднительно.

– Давайте, я вам помогу, – маэстро забрал платки из её рук, и она обратила внимание, что сейчас он как будто даже и не хромот.

А как он вообще встал рядом с ней на колени? Да ещё и успел её подхватить, когда она падала?

Но в затуманенном мозгу эта мысль мелькнула как-то отдалённо, и Миа молча протянула маэстро ладони, не став сопротивляться. Просто стояла и смотрела, как он ловко управляется с повязкой, и даже дышать боялась, потому что ноздри ощущали его аромат – запах хвои и миндаля. И от этого запаха мир снова начинал колебаться и дрожать, рож-

дая видения и возвращая то ощущение его рук, прикасающихся к её рукам. Вернее... рукам той девушки.

Почему она так легко видит именно его прошлое? И почему она видит его так часто?

Миа хотела отвернуться и не смотреть, чтобы не чувствовать этой странной близости, но не могла оторвать глаз от его пальцев, завязывающих аккуратные узлы на платке. И вспоминала карандаш, который лихорадочно метался по альбомному листу, и то, как эти пальцы скользили по рукам той девушки...

– Всё, хватит, – она выдернула руки. – А то вы ещё подумаете, что и это я тоже сделала специально, чтобы вызвать у вас сочувствие!

Их взгляды встретились, и лицо маэстро вмиг стало совершенно непроницаемым.

– Думаю, что так и есть. Или вам всё-таки открылась какая-то светлейшая истина? – спросил он и, тут же нацепив на лицо маску насмешливого презрения, сделал пару шагов сторону и взял в руки трость. – Поделитесь, будьте добры. Или мы проделали весь этот путь зря?

– Их было двое, – ответила Миа, борясь с головокружением и стараясь не выдать своего состояния, но руки стремительно леденели, и на лбу выступили капли холодного пота.

Жаль, она не взяла сумку, ей сейчас не помешало бы что-то сладкое!

– Вам нехорошо? – маэстро отделился от стены и подо-

шёл, глядя на неё внимательно. — Идёмте в лодку. Расскажите всё позже. Держитесь за меня.

Он предложил согнутую в локте руку, но прикасаться к нему сейчас было не самым лучшим решением.

— Нет уж, я дойду, — Миа отмахнулась и направилась прочь из переулка, хватаясь за стену пальцами и всё ещё ощущая запах карболки, воска и подземелья.

А маэстро направился следом, тяжело опираясь на трость.

В лодку ей помог спуститься Пабло. А вскоре прибежал и Жильо, неся в руках пакет из кондитерской лавки. Он протянул его Дамиане и, словно по невидимому указанию, тоже отошёл прочь. Все спутники маэстро остались стоять на площади, ожидая знака хозяина, когда же можно будет отправиться домой. А маэстро спустился в лодку, сел напротив Дамианы и произнёс, кивая на пакет:

— Ешьте. И рассказывайте.

В пакете оказались шоколадные трюфели джанджуйя с ореховой пастой внутри.

О-ля-ля! А маэстро необыкновенно щедр!

Джанджуйя — дорогая и очень изысканная сладость, которую патриции покупали чаще всего своим возлюбленным: куртизанкам, любовницам или невестам. И в другой момент Миа непременно бы сказала, что думает на этот счёт, но сейчас ей было не до колкостей. Мир всё ещё кружился и качался, и она просто отправила в рот три конфеты, одну за другой, подумав, что маэстро, скорее всего, не просто так рас-

щедрился.

Испугался, видимо...

Когда ужасная слабость прошла, она кратко рассказала о своём видении, но лишь о том, что видела в переулке. О Бари-ле-Мер и той девушке она предусмотрительно промолчала.

– Хм... Но экономка синьора Малатеста сказала, что видела полного мужчину в маске и карнавальном колпаке. Он нёс мешок, и над калиткой горел фонарь. А вы говорите, что было темно, и их было двое. Не могла же она ошибиться? – спросил маэстро, внимательно глядя на Дамиану.

– Почему нет? Могла и ошибиться.

– Экономка синьора Малатеста – женщина серьёзная и очень скрупулёзная, и если она что-то видела, то так оно и есть, – задумчиво произнёс маэстро. – Её слову можно доверять. Так, значит, вы точно не видели этого мужчину в колпаке? Даже отдалённо, даже в тумане... или как там это у вас выглядит?

– Я же сказала, что не видела! – воскликнула Дамиана раздражённо. – Никаких колпаков и фонарей! Не знаю, что там за экономка, но в ту ночь в соттопортико было темно, как в ведре с углём! Никаких фонарей и никаких колпаков!

Он будто издевается над ней! Уже шесть раз спросил одно и то же!

– Ну хорошо, возможно, что вы и не соврали, – спокойно произнёс маэстро, задумчиво глядя на палаццо Криченцо. –

Возможно, даже не направили меня по ложному следу...

– Что значит «не соврали»? Вы это о чём? – спросила Дамиана, доставая очередную конфету.

От сладкого головокружение наконец-то прошло.

– То, что вы прочли на записках в моём кабинете про фонарь, и то, что я рассказал про мужчину, которого видела экономка Малатеста – это ложь, – ответил маэстро как ни в чём не бывало. – Я придумал это, чтобы проверить ваши способности, и специально подталкивал вас к тому, чтобы вы ухватились за очевидное. Можно ведь было сказать мне то, что я и так готов был услышать. И я думал, вы поддержите эту ложь, про мужчину с мешком. Это был самый простой путь – прибавить подробностей, ведь в наблюдательности вам не откажешь. Но вы, видимо, не так просты, монна «Дамиана-Винченца-и-никак-иначе», – он перевёл на неё взгляд и усмехнулся.

– Что?! Вы хотели, чтобы я рассказывала вам про мужчину в колпаке и маске, чтобы уличить меня во лжи?! Да вы просто подлец! – воскликнула Дамиана и со злости зашвырнула пакет с остатками конфет в канал. – Если я вам нужна только для того, чтобы ставить подобные опыты, то я пошла! Арриведерчи!

Она вскочила и даже успела схватиться за причальные поручни, но маэстро свистнул Пабло, и убежать ей не дали.

– Сядьте, – жёстко произнёс маэстро. – Мы ещё не закончили, монна Росси, так что никуда вы не пойдёте. Я преду-

преждал вас, что у меня невыносимый характер. Извольте терпеть.

– Терпеть? Мне надоело, что вы всё время видите во мне лгунью, шарлатанку и мошенницу!

– Так докажите обратное.

– А не шли бы вы к Зелёной Деве, маэстро, с вашими доказательствами? – выпалила она и тут же прикусила язык, потому что Пабло, Жильо и бульдоги-сикарио даже застыли от её наглости, глядя недоумённо на хозяина.

Вот сейчас её точно утопят в лагуне! Стоит ему только свистнуть, и её утопят, как щенка!

Но маэстро даже в лице не изменился. Лишь сделал повелительный жест рукой, и все тут же отвернулись, как по мановению палочки дирижёра, и занялись своими делами: Пабло схватился за весло и заорал, что есть силы «Эй-ой-е!», сигнализируя, что лодка отчаливает, а Жильо с бульдогами перебрались на нос лодки. А Дамиана подумала, как же её бесит в этом Хромом всё! Буквально всё! Даже вот этот жест рукой! Это же надо так уметь выразить презрение ко всем одним лишь поворотом запястья! Как так у него это получалось – повелевать пальцами руки? И все они бросились, как собачонки, исполнять приказ!

Тьфу! Ненавижу патрициев! Ненавижу вас, маэстро Л'Омбре!

– Вы должны мне триста сантимов за рыбу, которую выбросил в канал один из ваших бульдогов, – буркнула Миа и

отвернулась, принявшись разглядывать тёмную воду.

Всю дорогу они молчали, и у неё даже шея затекла, оттого что приходилось всё время сидеть, глядя в сторону. Зато маэстро так и не перестал рассматривать её и напряжённо о чём-то думать, потому что выражение лица у него было сосредоточенное и хмурое.

В палаццо Скалигеров они шли так, будто Дамиана какая-то преступница: впереди Пабло, по бокам от неё бульдоги, а замыкали процессию косоглазый Жильо и сам маэстро.

Она слышала, как постукивает по мраморному полу его трость, и никак не могла отделаться от мысли, что трость эта бутафорская. Когда она упала в соттопортико, маэстро метнулся к ней уж как-то очень быстро. И взялся за эту трость, только когда они уходили, но при этом хромал он весьма натурально, и когда спускался в лодку, то поморщился от боли. Но, наверное, ей пока не стоит пытаться выяснить эту тайну. А может, и вообще не стоит выяснять. Кажется, цверрская поговорка «Чем больше замечаешь, тем меньше говори» как раз и придумана для таких случаев. Надо держаться подальше от тайн этого семейства.

– Обед через час, не опаздывайте, – бросил маэстро через плечо и ушёл, не удостоив её даже взглядом.

Глава 8. Немного о столовом этикете

Просторная столовая плавно перетекала в открытую террасу с видом на лагуну и Гранд-канал. Тяжёлые портьеры, подхваченные бронзовыми держателями в виде цветков роз, притеняли комнату от яркого весеннего солнца.

Миа шагнула внутрь, с любопытством и опаской разглядывая обстановку. Не каждый день выпадает честь обедать в таком помпезном месте! Пол из зелёного мрамора, огромный камин, украшенный головами львов, и над ним семейный герб Скалигеров: розу обвивает змея, а сверху две алебарды, скрещенные между собой. На стенах штукатурка с вкраплениями менского кварца, который то и дело вспыхивает маленькими искрами, ловя солнечные лучи.

Но больше всего Дамиану впечатлил огромный стол, укрытый белоснежной крахмальной скатертью, и столовые приборы, в таком количестве, что голова шла кругом. Тарелка в тарелке и ещё в одной тарелке, огромная, как шляпа, а под ней плоская, как блин, и маленькая тарелка рядом, и ещё одна тарелка в форме ракушки-вонголе, а вилки и ложки... это же просто ужас! Стройный ряд серебряных вилок слева: двузубые, трезубые и даже с четырьмя зубцами, и ещё куча ножей справа. И бокалов – целая галерея, из хрусталя

и муранского стекла. Три салфетки разных цветов продеты сквозь бронзовые кольца. Миа смотрела на это великолепие в ужасе: казалось, что ей предстоит не просто поесть, а разгадать головоломку из всех этих приборов на столе.

Когда дворецкий проводил её к столу и замер позади, отодвинув стул, у Дамианы сердце ушло в пятки. Потому что маэстро Л'Омбре уже был здесь и внимательно наблюдал за её замешательством. И Миа знала, что на любой её промах он будет лишь презрительно усмехаться.

Зачем он её сюда притащил?

Конечно, в пансионе её обучали и столовому этикету, на случай, если вдруг она будет прислуживать в приличном доме или станет экономкой. Но она не собиралась ни прислуживать, ни становиться экономкой и все занятия по этикету глядела в окно, думая о вольной жизни на лодке, и поэтому вечно путала вилки. К тому же в пансионе не было и половины тех столовых приборов, что она сейчас видела перед собой.

Да и плевать! Какая разница, что о ней подумает какой-то патриций!

– Прошу вас, монна Росси, – маэстро указал рукой на стул точно тем же повелительным жестом, не терпящим возражений, каким указывал бы собаке, где её место.

Она села, и мессер Оттавио пододвинул стул, отрезав путь к отступлению. И вот теперь она почувствовала себя совсем как на эшафоте. Белоснежная скатерть, начищенное серебро

и фарфор, всё выставлено по линейке, даже дотрагиваться страшно! А позади слуги, точно конвой, замерли вдоль стены. И хотя они молчали, но она ощущала их любопытные взгляды, скользящие по спине.

Видимо, все они недоумевают, с чего это вдруг цверре оказывают такие почести!

Маэстро сидел во главе стола, а она расположилась поодаль, и никак не могла понять, зачем вообще такой большой стол накрыли для двух человек. Глядя на то, как маэстро положил белую салфетку себе на колени, Миа уверенным жестом сделала то же самое, хотя пальцы предательски дрогнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.